

ИГРУШКА
для
миллиардера

Юлия Захарова

Юлия Захарова

Игрушка для миллиардера

«Литнет»

2026

Захарова Ю.

Игрушка для миллиардера / Ю. Захарова — «Литнет», 2026

Она – провинциалка, студентка и посудомойщица в элитном клубе. Он – молодой миллиардер, привыкший получать все. Она отказала ему. Он не привык отступать. Цветы, преследования, деньги – он делает все, чтобы ее заполучить. Она держится, пока не случается беда: отцу нужна операция, а взять деньги негде. Одна ночь с олигархом в обмен на жизнь отца. Сделка, после которой не будет пути назад.

© Захарова Ю., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
АРТЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	8
ГЛАВА 2	9
АРТЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	12
ГЛАВА 3	13
АРТЫ К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	15
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	19
АРТЫ К ПЯТОЙ ГЛАВЕ	22
ГЛАВА 6	23
АРТЫ К ШЕСТОЙ ГЛАВЕ	26
ГЛАВА 7	27
АРТЫ К СЕДЬМОЙ ГЛАВЕ	30
ГЛАВА 8	31
ГЛАВА 9	34
ГЛАВА 10	36
АРТЫ К ДЕСЯТОЙ ГЛАВЕ	40
ГЛАВА 11	41
ГЛАВА 12	44
АРТЫ К ДВЕНАДЦАТОЙ ГЛАВЕ	47
ГЛАВА 13	48
ГЛАВА 14	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

ГЛАВА 1

Горячая вода с моющим средством разъедала кожу, пальцы уже сморщились, как залежалые яблоки, а грязная посуда все пребывала и пребывала. Из заполненной пеной раковины грудой торчали тарелки, пустые бокалы загрохотали весь стол. В пятницу вечером клуб был переполнен посетителями. Музыка грохотала из зала так, что чистые вилки и ножи, позвякивая друг об друга, подпрыгивали на сушилке.

В кухне, от которой мой закуток отделяла лишь тонкая дверь, сновали повара, что-то булькало, шипело, скворчало, гремело. Шеф своим грозным басом раздавал указания направо и налево. То и дело к раздаточному окну подбегали девочки-официантки, одинаково одетые в обтягивающие черные юбки-карандаши и рубашки без рукавов. На шее у каждой красовался маленький галстук-бабочка, а на головах забавно подпрыгивали при ходьбе заячьи ушки. Официантки обязательно работали на высоких шпильках. Это было жутко неудобно, зато сексуально. Ведь главная задача обслуживающего персонала – чтобы клиентам нравилось, чтобы они были довольны.

Я смерила взглядом гору посуды, которую мне предстояло перемыть, вздохнула, засучила рукава и только снова опустила руки в воду, как из кухни послышался грохот, звук бьющейся посуды и рык шефа. Я вздрогнула и втянула голову в плечи. Сейчас кому-то достанется!

Едва я об этом подумала, дверь распахнулась и, завывая, в мою обитель влетела Лера – моя подруга, одноклассница и соседка по квартире. Она в свое время и притащила меня в «Амадей». Денег студентам вечно не хватает, а провинциалам, вынужденным снимать жилье – и подавно. Лера – высокая статная красавица – работала официанткой, меня же – пигалицу, взяли мыть посуду. Так и сказали – ростом не вышла.

– Ирка! Твою мать! – Лера потрясла пальцами, которые сжимала ладонью второй руки. На кафельный пол упало несколько алых капелек крови.

– Господи! Что стряслось? – бросилась я к подруге.

– Грохнула целый поднос с напитками. Вот дура-то! Пластырь есть? Черт, черт, черт! – Лера едва не плакала. – Считай смену бесплатно отработала...

Я метнулась к аптечке, спрятанной в угловом шкафу, трясущимися руками отыскала пластырь, схватила пузырек с перекисью и рванула обратно к ней.

– Надо остановить кровь! – я вскрыла обеззараживающую жидкость.

– Я сама справлюсь, – вдруг отмахнулась от меня подруга. – А ты иди в VIP-зал, отнеси клиентам напитки. Третья комната.

– С ума сошла?! – вытаращила я на нее глаза. – Я туда ни за что не выйду!

– Ира, ну пожалуйста! – захныкала Лера. – я и так сегодня без зарплаты осталась... Хочешь меня еще и чаевых лишить? Нам, между прочим, в понедельник за квартиру платить!

– А куда ты отложенные деньги дела? – нахмурилась я.

– Сумочку новую купила, – виновато вздохнула Лера.

– Вот даешь! Вечно ты так! – я надула губы и сложила руки на груди.

– Ирочка, миленькая, ну выручи, а? – она состроила мне умоляющую рожицу. – Это всего пять минут. Одна нога тут, другая там. А я сейчас руку обработаю, пластырь прилеплю, посижу капельку, чтобы голова перестала кружиться и снова в бой!

– Но я же не официантка! – упиралась я.

– Ну что ты хочешь, чтобы мой столик Светке отдали? – продолжала уговоры Лера. – А там сегодня Титов с друзьями отдыхает. Знаешь, какие они чаевые оставляют? Как вся твоя месячная зарплата. Я тебе кофточку новую куплю. Ту, что ты хотела...

– Титов? Что за Титов? – фамилия показалась мне знакомой.

– Даешь! – изумилась Лера. – С луны свалилась? Руслан Титов. Самый молодой миллиардер. Ну тот, что бизнес на онлайн-играх сделал. Все его знают!

– Я не знаю, – пожала я плечами. Мое сопротивление таяло на глазах при виде несчастного лица Леры. – А если меня администратор заметит?

– Не заметит! – тут же расплылась она в улыбке и вскочила на ноги. – Вот!

Лера здоровой рукой стащила с себя ободок с приклеенными к нему заячьими ушками и ловко водрузила мне на голову.

– А клиенты? Они же поймут, что я – это не ты! – паника нарастала у меня в груди.

– Да им плевать! – отмахнулась Лера. – Она занята своими разговорами, на девочек даже не смотрят.

– Ладно, – вздохнула я и поправила норовившие свалиться с головы уши.

– И еще бабочку возьми! – остановила меня подруга, когда я уже обреченно собралась выйти из своей каморки на кухню.

Я вздохнула, сняла бабочку с Лериной шеи и застегнула на своей.

– Ирочка! Богиня! – кричала она мне вслед. – Я твоя вечная должница!

В меня полетели десятки воздушных поцелуев.

– Руку обработай, а то все сейчас здесь заляпаешь, – буркнула я и скрылась в душевной кухне.

Мне тут же вручили нагруженный бокалами поднос с напитками и буквально взявшей вытолкали в зал – наши клиенты долго ждать не любили.

В зале клуба ночью я почти никогда не бывала. Так, пару раз выглядывала в щелочку приоткрытой двери, а сейчас мне пришлось с головой окунуться в эту атмосферу. Воздух был густой, как сироп. Пахло дорогим парфюмом, кожей и алкоголем. Низкий бас из динамиков пронизывал все тело, оседал где-то глубоко в груди, вибрировал в позвонках. Музыка здесь была не для танцев. Ее разливали по бокалам и принимали, как допинг.

В основном зале было темно. Только бар светился неоновым-синим, да под потолком плавали золотые софиты. Девушки у шестов – высокие, гибкие, в кружеве и лайкре – текли в такт музыке, как вода. Они не смотрели на зрителей. Они смотрели внутрь себя, и это завораживало. Над головой, в клетках, подвешенных к самому куполу, танцевали другие. Они были похожи на птиц в невидимой ловушке. Я сглотнула. Это все было не про меня. Я здесь была лишней.

Из вип-зоны, отделенной от посторонних глаз тяжелой портьерой цвета бургунд, раздавались мужские голоса. Они звучали хрипло, приглушенно, как-то лениво.

– ...говорю ему, бери, не ссы, акции вырастут. Не поверил, мудака...

– Сейчас это бабло уже не в тренде, старик, сейчас AI в тренде...

Я неслышно скользнула к столику, за которым на мягких диванах вальяжно развалились трое молодых мужчин и вполголоса что-то обсуждали, не замечая ничего вокруг. Буквально в метре от них извивалась на шесте красавица Алина. Вип-гостям в нашем заведении положена персональная танцовщица, но ни один из парней даже не смотрел в ее сторону. На меня тоже, к моей величайшей радости, не обратили никакого внимания.

Я осторожно поставила поднос, чтобы ничего не задеть и не разлить, и принялась перегружать напитки на стол. Глаз я не поднимала. Видела только руки одного из мужчин – длинные пальцы с идеальным маникюром, баснословно дорогие часы. И маленькую татуировку в форме геймпада на внутренней стороне запястья. Такие сейчас у половины парней в нашем университете. Значит это и есть Титов – кумир современной молодежи.

– Новенькая? – услышала я чуть насмешливый низкий голос прямо возле своего уха и вздрогнула. – Никогда тебя здесь раньше не видел.

Я подняла голову. Три пары глаз уставились на меня, с интересом изучая. Мой взгляд упал на собственные руки, с короткими обломанными ногтями и заусенцами, и щеки сразу

вспыхнули от стыда. Я выставила последний бокал, схватила поднос и поспешно спрятала его за спину.

– Кажется, красавица засмушалась, – хохотнул один из приятелей Титова, подмигнув мне. – Может присядешь, познакомимся?

Он схватил меня за руку и потянул на себя. Я попятилась назад, пытаюсь выбраться из цепкой хватки.

– Оставь ее, Дэн, – осадил приятеля Руслан.

Я вспомнила его. Конечно, я видела его раньше. Его лицо сейчас было повсюду. На фото в журналах он был гладким, лакированным, улыбался как волк. Вживую – резче. Темные волосы чуть взлохмачены, рубашка дорогая, но расстегнута у ворота, пиджак небрежно брошен на спинку. Он молодой, слишком молодой для всего этого шика вокруг. Но смотрит так, будто ему уже лет триста, и он умудрен всем этим житейским опытом.

– Как звать? – спросил Титов, откровенно разглядывая меня с головы до ног.

Я поджала губы, отвернула голову. Мне вовсе не хотелось с ним разговаривать, хотелось прямо сейчас развернуться и убежать обратно в свою каморку, к своей безопасной грязной посуде, а здесь мне не нравилось. Здесь мне было дискомфортно.

– Нервная какая-то, – сделал вывод тот парень, что хватал меня за руку. – Первый день?

– Я не работаю в зале, – невнятно пробормотала я все гуще заливаясь краской. – Леру подменяю...

Я развернулась, чтобы поскорее ретироваться, и тут же почувствовала шлепок по своей ягодице и последовавший за ним хохот. Слезы едва не брызнули у меня из глаз. Я еле сдержалась, чтобы не развернуться и не приложить наглеца подносом по наглой морде. Но клиентов бить, к сожалению, было нельзя. Тем более впов. Я выскочила в зал и понеслась в сторону кухни, чуть не сбив по дороге спешащую с заказом официантку.

Я надеялась, что Лере стало лучше, потому что больше я туда ни за что не вернусь! Я сдернула с головы ненавистные уши и распахнула дверь. Однако, стоило мне войти в свое убежище, как я увидела Лерины глаза, снова смотрящие на меня с мольбой.

– Титов хочет, чтобы ты вернулась, – прошептала она извиняющимся тоном и потрясла у меня перед лицом миниатюрной рацией – способом связи клиентов со своим официантом.

– Что? – завопила я. – Не пойду! Хоть убей!

– Ирочка, милая... Если он пожалуется менеджеру, нас больше ни то, что ни в один клуб, вообще никуда в Москве на работу не возьмут. Умоляю! Просто отнеси ему бутылочку минеральной воды.

– Может ты сама? – шмыгнула я носом.

– Он хочет тебя!

Я тяжело вздохнула, водрузила уши обратно на голову и обреченно вышла из каморки.

АРТЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Ира Грушина, студентка, 20 лет. Подрабатывает посудомойщицей в элитном ночном клубе.

Ира и ее подруга и соседка по квартире Лера. Лера работает официанткой в ночном клубе. Она просит Иру подменить ее и отнести заказ в VIP-зал.

Руслан Титов, молодой миллиардер, 27 лет. Завсегдатай клуба, где работают Ира и Лера.

ГЛАВА 2

Когда я снова вошла в комнату, Титов сидел на диване один. Его приятели куда-то испарились. Исчезла и Алина. Будто он специально всех отослал, чтобы остаться со мной наедине. Я поставила бутылку воды на столик и замялась в нерешительности, не понимая, что мне делать дальше.

– Ваши друзья... Они уже ушли? – спросила я первое, что пришло в голову. – Их приборы можно забрать?

– Ты ведь Ира, да? – Руслан расслаблено откинулся на спинку дивана, не сводя с меня глаз.

Я растеряно кивнула. Вроде не называла своего имени и бейджа на мне нет, но потом сообразила, что это, наверное, Лера сболтнула.

– Присядь, – Титов похлопал ладонью по обшивке дивана рядом с собой.

Я помедлила, но потом осторожна села на краешек, но так, чтобы между нами оставалось приличное расстояние.

– Кстати, о моих друзьях... – начал он, небрежно пригладив пятерней растрепавшиеся непослушные волосы. – Я хотел перед тобой извиниться за их поведение. Перебрали немного. А так они нормальные парни. Обычно...

– Хорошо, – пробормотала я. – Извинения приняты...

– К тому же, – продолжил Титов, словно не слышал моих слов, после которых разговор можно было закончить, – ты весьма привлекательная девушка. Ты очень отличаешься от всех остальных.

Мои щеки густо покраснели от неожиданного комплимента. Уродиной я себя действительно не считала, но девчонки, работающие в клубе с клиентами, были красавицами, как на подбор.

– Не смущайся, – улыбнулся Руслан. – Это чистая правда. Можешь мне поверить. Мы здесь бываем довольно часто, но тебя раньше никогда не видели. Вот они и завелись на свежее лицо.

– Я не работаю в зале, – повторила я ему то, что уже говорила в прошлый раз. – Я мою посуду...

Мне стыдно было признаваться в этом своем занятии, хоть я и понимала, что это временная мера. Чтобы пока учусь облегчить финансовое бремя родителей, которым и без того сейчас нелегко. Отцу в последнее время часто нездоровилось. После перенесенного инфаркта он сильно сдал, пришлось уволиться с завода. Мама одна вкалывала на двух работах. Днем стояла за кассой в магазине, а вечерами убиралась в кабинетах в здании поселковой администрации. Если мама не гнушалась браться за швабру ради своей семьи, почему мне должно быть стыдно, что я по ночам мою посуду за богатеями, прожигающими жизнь в ночных клубах? Но мне все равно было стыдно...

– Я студентка, – попыталась оправдаться я. – Учусь на филфаке.

– Будущий учитель русского языка и литературы? – усмехнулся Руслан. – Или иностранные?

– Литература, – ответила я. – С детства люблю читать хорошие книжки.

– А я вот не любил никогда. Всегда прогуливал школу и сбегал в компьютерный клуб, в стрельбки с пацанами поиграть. Помню, мне все вокруг твердили, что из меня никогда не выйдет толк! – он развел руками. – Как видишь, они все крупно ошибались.

– Это вы к чему? – не поняла я его посыл.

– К тому, что не всегда понятно сразу, кто кем станет. Ты ведь знаешь, кто я такой? – он прищурился, и зрачки тут же расширились, ловя тусклые лучи света, отчего глаза стали темными, почти черными.

– Что-то слышала, – равнодушно пожала я плечами. – Вы Руслан Титов. Ваш бизнес, кажется, связан с компьютерными играми?

Тут до меня, наконец, дошло, куда он клонил. Банальное хвастовство!

– Да я бог компьютерных игр! – ухмыльнулся он и хлопнул ладонью по столу, так что подпрыгнул бокал.

Я заерзала на диване. Этот непонятный для меня разговор с неприлично богатым мужчиной, который самодовольно сидел буквально в нескольких сантиметрах от меня, начинал действовать на нервы. Меня ждала целая гора посуды, которая сама себя не помоеет, а я тут веду пустую болтовню. Я попыталась встать, но Титов не позволил. Его рука с быстротой молнии метнулась ко мне и пригвоздила обратно к дивану.

– Разве я сказал, что разговор окончен? – спросил он сурово.

– Нет, – прошептала я, не на шутку перепугавшись. Что ему вообще от меня нужно?

– Тогда почему ты все время пытаешься сбежать? – голос снова стал ровным и спокойным.

– Мне нужно работать, – объяснила я, постаравшись не выдать своего волнения. – Смена скоро заканчивается, а я... тут... Меня могут оштрафовать.

– Прости, – поднял он вверх руки, капитулируя. – Не подумал!

Он потянулся за пиджаком, висящем на спинке позади меня. Я почувствовала на своем плече его дыхание, его рука слегка задела мою, отчего по коже тут же побежали мурашки. Титов достал бумажник, открыл, вытащил оттуда несколько крупных купюр и протянул мне.

– Этого достаточно, чтобы ты поговорила со мной еще немного?

Этого было более, чем достаточно. Этого хватило бы, чтобы в понедельник заплатить за следующий месяц аренды за квартиру. Только выглядело это все как-то странно, словно он меня покупал.

– Мне правда некогда болтать! – я вскочила с дивана, словно ужаленная и выскользнула за портьеру, оставив Титова так и сидеть с недоуменным взглядом и протянутыми в мою сторону деньгами.

Надо отдать ему должное, он оставил их в коробочке для чаевых, иначе Лера разорвала бы меня на куски.

– Ты совсем сбрендила, Грушина? – вопила она, когда я уже дома за чаем рассказала ей о том, что произошло в VIP-комнате. – Да любая плясала бы от радости на твоём месте! А ты нос воротишь? Да он самый желанный мужчина для любой девушки! Стоит ему поманить пальчиком, каждая побежит за ним пятки стирая!

– Не собираюсь я ни за кем бегать! – отбивалась я. – Он даже не в моем вкусе!

Здесь я, конечно, приврала. Руслан Титов был хорош! Красивый, высокий, статный. Богатый, в конце концов! Наверное, Лера была права. Любая девушка мечтала оказаться рядом с ним. Посидеть вот так рядом, поговорить... О большем я вообще молчу. Титов слыл знатным сердцеедом. Любимчик «желтой» прессы – всегда давал повод пустить о себе свежую сплетню. Только зачем все это мне? Очевидно же, что его интерес ко мне – минутный порыв. Увидел «свежее лицо», как он сам выразился. Не хотела бы я оказаться очередной девушкой, которой этот красавчик-миллиардер разобьет сердце.

– Ну ты и дура, Ирка! – закатила глаза Лера. От моих слов ее чуть инфаркт не хватил. – Да я бы ногу себе дала отпилить, если б он только посмотрел на меня хоть раз! А тут – деньги предложил, чтоб ты с ним просто поговорила... Сбежала! Уму не постижимо! Дура и есть дура!

– Ой, отстань уже! – отмахнулась я от подруги, как от назойливой мухи. Мне уже начало все это надоедать. Слишком часто сегодняшней ночью звучала фамилия Титова.

– Я-то отстану, – обиделась Лера. – А ты... Ты так и останешься одна, если будешь вот так мужиками разбрасываться!

– Вообще-то, у меня парень есть! – напомнила я ей.

– Ха! – всплеснула Лера руками. – Парень! Ну ты сравнила! Где Титов, а где твой Вадик?!

– Где Титов я понятия не имею, а с Вадиком я увижусь завтра, – показала я подруге язык и исчезла в ванной.

Время близилось к утру. Надо было успеть хоть немного поспать перед лекциями. Да и разговоры сегодня меня уже порядком утомили.

АРТЫ КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Ира и Руслан разговаривают в вип-зоне.

Ира и Лера дома в своей съемной квартире, болтают на кухне.

ГЛАВА 3

С Вадиком мы встречались с первого курса. Он учился на спортфаке, ездил на мотоцикле, и вполне соответствовал образу будущего учителя физкультуры – высокий, красивый, мускулистый, правда не слишком умный. Лера все время удивлялась, что у меня с ним может быть общего? О чем мы вообще разговариваем? Но мы, честно говоря, вообще очень мало говорили. Так, делились друг с другом последними новостями.

Он рассказывал про пацанов с факультета, про новые «тачки», вышедшие на рынок, про выигрыш его любимой футбольной команды. А я делилась какими-нибудь интересными, на мой взгляд, событиями с работы или из студенческой жизни. Мы оба, обычно, внимательно слушали друг друга, хоть и понимали, что общих тем для разговоров у нас нет вряд ли будут. Ну никогда меня не будет интересовать футбол, а его поэты «Серебряного века».

Тем не менее, мы встречались уже три года и расставаться не собирались. Мне нравилось идти с ним по университету и ловить завистливые взгляды девчонок. Вадик нравился многим из них, но смотрел он только на меня. В чем-чем, а в этом я была абсолютно уверена. Каждую свободную минуту о старался провести в моей компании. Даже если в эти моменты я читала книгу, забравшись в кресло с ногами, а он играл в свою любимую игру на моем компьютере.

Лерка, которой почему-то никак не везло с парнями, часто проводила время с нами, хоть и недолюбливала Вадика. Он об этом знал, но был уверен, что за этой неприязнью кроется как раз симпатия. Считал, что моя подруга просто тайно в него влюблена, и поэтому злилась – он ведь любил только меня. Я в это, конечно, не верила, но и его переубеждать не стала. Пусть себе думает, что хочет. Тешит свое самолюбие.

Вечером в воскресенье мы поужинали втроем в нашей квартире. Я взяла с полки новый роман, Вадик запустил игру, а Лера устроилась на диване перед телевизором. Я уже привыкла читать под громкие звуки, поэтому быстро погрузилась в историю, не слыша ни звуков стрельбы из компьютера, ни болтовни Леркиного ток-шоу, но громкий вскрик подруги заставил меня вернуться в реальность.

– Смотри, Ирка, смотри! – она тыкала пальцем в экран телевизора и буквально подпрыгивала на диване. – Это же Титов!

На экране действительно крупным планом красовался Руслан. Он сидел в кресле рядом с ведущим, вальяжно закинув ногу на ногу и улыбался. Вадика Леркин крик тоже привлек. Он поставил игру на паузу и уставился в экран.

– Этот чувак очень крут! – восхитился Вадик. – У меня все его игры есть. Я даже себе хотел такую же татуху набить, как у него. Вот здесь.

Вадик поднял руку и ткнул себе на внутреннюю сторону запястья.

– Он просто неприлично богат! – поддержала разговор Лера. – Его состояние оценивается уже даже не в миллионы, а в миллиарды.

– Я бы хотел быть, как он, – завистливо протянул Вадик.

– Не надо быть, как он, – брезгливо поморщилась я, отложив книгу. – При всем своем лоске, он довольно мерзкий тип!

– С чего ты взяла? – уставился на меня Вадик, а Лера неприлично громко хохотнула.

– Да ни с чего, – замялась я, судорожно думая, как сменить тему. – Не хотелось мне вдаваться в подробности моего знакомства с Титовым. Тем более, что Вадик был ужасно ревнивым.

– Да он в пятницу ночью отдыхал с друзьями в нашем клубе, – заявила Лерка, проигнорировав все мои невербальные сигналы, – и клеился к Ирке.

– Что? – заревел Вадик. Его лицо налилось кровью, на скулах заходили желваки, а пальцы так сильно сжали контроллер, что пластик закрипел, готовый лопнуть.

– Да не слушай ты ее! – вскочила я с кресла и бросила на подругу многозначительный взгляд. – Он просто поболтать хотел.

– Ага, как же... – не унималась подруга, полностью игнорируя мои предупреждения. – Даже денег предложил за разговор. Не проста это!

Вадик уже кипел. Я видела это по его лицу, позе, жестам. Мог разгореться нешуточный скандал, если срочно не закрыть тему.

– Ничего он мне не предлагал! – выпалила я. – Я специально так тебе сказала, чтобы позлить тебя. Ты же все на него слюни пускаешь!

– Зачем ты хотела меня разозлить? – разочарованно надулась Лерка.

– Да потому что ты заставила меня надеть эти дурацкие заячьи уши! – развела руками я и тут же прикусила губу, потому что Вадик, швырнул контроллер и вскочил.

– Ты что, в зале работала? – сжал он кулаки, брови сошлись над переносицей. – Ты ведь обещала...

– Вадик, Вадик... Успокойся! – выставила я руки вперед. – Лера руку порезала, я только один заказ отнесла, пока она рану обрабатывала.

– Вообще-то два, – подлила масла в огонь подруга.

– Почему ты мне все время врешь? – разозлился еще сильнее Вадик. – Он тебе нравится? Этот богатенький ублюдок?

Он ткнул пальцем в экран, где Титов все еще сверкал белозубой улыбкой, красовался перед камерами. Я схватила пульт и выключила телевизор.

– Не нравится! Он вообще меня жутко бесит. Наглый тип! – подбежала я к Вадiku, обняла, пытаюсь успокоить. – Он пытался ко мне приклеится, но я послала его к черту. Клянусь!

– Я к себе поеду, – буркнул он, выбираясь из моих объятий.

Я не стала его задерживать. Вадик был вспыльчивым, но отходчивым. Нужно было сейчас отпустить его. Он схватил олимпийку со спинки дивана и, не прощаясь, пулей вылетел из квартиры. Дверь шарахнула так, что посыпалась старая штукатурка со стены. Я развернулась к Лере. Подруга сидела на диване и ухмылялась.

– И зачем? – спросила я, сложив руки на груди.

– Затем, что ты полная дура, если теряешь время с этим идиотом, когда можешь бы – с ним! – Лера вырвала у меня из рук пульт, нажала на кнопку и ткнула пальцем в экран. – Вот он – твой журавль в небе! Я просто выпустила в окно синичку.

У меня не было слов! Почему мы вообще дружили? Я зарычала от бессилия, развернулась на пятках и скрылась в своей комнате.

АРТЫ К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Ира и ее парень Вадик

Ира и Вадик ссорятся из-за Титова

ГЛАВА 4

Утром в понедельник я проснулась от того, что в коридоре кто-то орал. Спросонья я не сразу поняла, что это Лера – она разговаривала по телефону так, будто хотела, чтобы ее слышали во всем доме.

– Да нет, ты представляешь? Она просто взяла и ушла! А он, говорят, вообще офигел – специально всех выслал, чтобы с ней побыть! Деньги предлагал! А она – нос воротит!

Она обсуждала меня с девчонками с работы. Ну конечно...

Я лежала и пыталась понять, что ею движет. Ревность? Титов обратил внимание на меня, тихую невзрачную посудомойщицу, а не на нее – красивую, статную, в заячьих ушках. Или она реально думала, что я должна была растаять и упасть к его ногам после того предложения? Для Леры мир был прост: богатый мужчина равнялся счастью. Она не понимала, что можно хотеть чего-то другого. Тишины, например. Или чтобы тебя не покупали за деньги.

Я встала, натянула старые треники и растянутую домашнюю футболку и вышла на кухню. Лера, увидев меня, сделала круглые глаза и зашептала в трубку:

– Ладно, я перезвоню.

– Да уж продолжай перемывать мне косточки, – буркнула я, наливая себе чай. – Я все слышала.

– Ир, ты не думай, я просто... – она придвинула ко мне тарелку с бутербродами. Колбаса лежала тонкими ломтиками, хлеб намазан маслом – Лера умела быть заботливой, когда чувствовала вину.

– Ты просто слила Вадику информацию, чтобы он взбесился. Ты просто треплешься с подружками о моей личной жизни. Ты просто решила, что знаешь лучше, как мне жить.

Я говорила спокойно, даже равнодушно. Лера надулась.

– Я, вообще-то, забочусь о тебе.

– А я не просила, Лер. Не надо сватать меня к этому Титову. У него дурная репутация. А я – не игрушка.

Я отвернулась к стене, закусил губу.

– Ир... Ну прости! – Лера вцепилась в мою руку. – Я же как лучше хотела! Правда. Да если бы на меня такой мужик хоть одним глазком посмотрел, я б визжала от радости!

– Меня это не радует. Разговор окончен.

Лера тяжело вздохнула и подняла на меня полные вины глаза – щенячьи, влажные, с повадкой. Я знала этот взгляд. Так она смотрела, когда разбила мою любимую кружку с котами. И когда съела последний йогурт. И когда «случайно» постирала свои красные носки с моим белым бельем. Лера умела просить прощения. И я всегда ее прощала.

Я смотрела в окно. Там был серый московский двор, грязный снег, машины, припаркованные как попало. Дворник в оранжевом жилете методично сыпал тротуар реагентами – они въедались в обувь, оставляли белые разводы, но дворник сыпал и сыпал, потому что так было положено.

– Вадик звонил? – осторожно спросила Лера, привлекая мое внимание.

– Нет, – я покачала головой. – Не звонил, не писал...

– Обиделся, – констатировала факт подруга. – А из-за чего? Из-за ерунды ведь.

Я промолчала. Вадик не звонил – это было плохо. Обычно он отходил быстро. Час, два – и уже писал: «Прости, я дурак», – с кучей смайликов, с извинениями. А тут молчал уже больше двенадцати часов. Двенадцать часов – это вечность, когда я привыкла, что он всегда рядом.

На лекции я не могла сосредоточиться. Преподавательница что-то говорила о символизме в поэзии Блока, ее голос журчал ровно, как вода, а я смотрела в окно и думала: почему Вадик не пишет?

И почему я все время вспоминаю тот взгляд – черный, почти без зрачков? Взгляд Руслана Титова, обращенный на меня.

«Не всегда понятно сразу, кто кем станет».

Блок писал о Прекрасной Даме, о Незнакомке, о женщине, которая приходит из тумана и уходит в туман. А я сидела в душной аудитории и чувствовала себя чужой в собственной жизни.

– Грушина, вы с нами? – окликнула меня преподавательница.

– Да, извините, – я уткнулась в конспект, где вместо лекции было нарисовано несколько каракулей и геймпад. Точно такой, как татуировка у Титова на запястье. Я зачеркнула его, сильно, оставив дыру на листе.

После первой пары я заставила себя написать Вадик у первой.

«Привет. Ты как?» – сообщение ушло, а я застыла в ожидании ответа.

Ответ пришел только через час. В течение этого времени я постоянно проверяла телефон, обновляла сообщения, прикусывала губу до крови, пока, наконец, не звякнуло оповещение.

«Нормально».

Я смотрела на это слово и чувствовала, как внутри все холодеет. Он никогда так не отвечал. Всегда – смайлики, дурацкие гифки, «скучаю». А тут – «нормально». Так сухо, будто мы чужие люди.

«Мы можем поговорить?» – спросила я снова.

Пятнадцать минут. Полжизни. Занятия уже закончились, и я вышла на промозглый холод. И тут пришел ответ. Такой же сухой: *«Занят»*.

Я убрала телефон в карман и пошла к остановке. В голове было пусто. Только эхо стучало: *занят, занят, занят*.

Вечером Лера ушла на смену, а я осталась дома. Сказалась больной. Впервые за полгода. Шеф поворчал по телефону, но отпустил – видимо, вспомнил, что я раньше никогда не отпрашивалась.

Я сидела на кухне, пила чай и смотрела в стену. Мысли были липкие, тяжелые. Вадик. Титов. Лера. Деньги. Аренда за квартиру, которую нужно платить через неделю. Мама звонила вчера – голос у нее был усталый, с хрипотцой.

– У отца опять давление, – сказала она. – Врач выписал лекарства, дорогие. Не знаю, как выкрутимся.

– Я достану денег, – ответила я на автомате.

Я положила трубку и долго сидела, глядя в одну точку. Откуда я их возьму? У меня самой – впритык. Если экономить на еде, если не покупать кофе в автомате, если ходить пешком вместо автобуса – может, удастся что-то сэкономить. Можно взять в клубе дополнительные смены...

Я смотрела на свои руки. Пальцы после бесконечной посуды стали шершавыми, кожа вокруг ногтей облезала. Руки прачки, руки Золушки.

Телефон пикинул. Я схватила его – думая, что это Вадик. Но это была Лера.

«Тут Титов. Спрашивает про тебя. Я сказала, что ты болеешь. Просил передать, чтобы выздоравливала».

Я смотрела на экран и не знала, что чувствовать. Злость? Он лезет туда, куда не просят. Страх? Он не отстанет. Или это было что-то другое – то, о чем я боялась даже думать.

Я отложила телефон. За окном совсем стемнело. В Москве зажигались окна – миллионы окон, миллионы жизней. Кто-то ужинал, кто-то ссорился, кто-то занимался любовью, кто-то плакал в подушку. А я сидела на кухне в съемной квартире, пила остывший чай и не знала, что будет завтра.

Телефон пикинул снова. На этот раз сообщение было от Вадика. Я замерла, не зная, что ждать, но затем все же открыла текст.

«Прости. Я дурак. Давай встретимся завтра?» И извиняющийся смайлик.

Я выдохнула. Весь воздух, который будто держала в легких целый день.

«Давай».

Я допила чай. Он был горьким и холодным. Завтра я встречу с Вадиком. Мы поми-
рится. Он купит мне шоколадку, я улыбнусь, и все станет как раньше. Все будет хорошо. Навер-
ное.

ГЛАВА 5

В университете я встретила с Вадиком на большой перемене. Некоторые занятия у нас проходили в одном корпусе. Мы списались и договорились прогуляться. Когда я выбежала на крыльцо, он уже ждал меня у главного входа, прислонившись к колонне. В руках держал букет тюльпанов. Дешевых, ярких, нелепых – такие продают в ларьках у метро по сто рублей за три штуки. И от этого они казались самыми красивыми цветами на свете.

Я остановилась в двух шагах и смотрела на него. Он переминался с ноги на ногу, мял пальцами целлофан и выглядел нашкодившим мальчишкой, которого вот-вот вызовут к директору.

– Прости меня, – сказал он, не поднимая глаз. – Я дурак.

– Знаю, – я забрала букет из его рук и зарылась носом в лепестки.

Он поднял голову, улыбнулся виновато, и я растаяла. Ну как можно злиться на этого человека? На его ямочки на щеках, на его огромные ладони, которыми он так неуклюже пытался согреть мои холодные, на его глаза, смотревшие на меня с обожанием.

– Ты не представляешь, как я переживал, – заговорил Вадик, пока мы шли через сквер.

– Я думал – ну все, запала ты на миллиардера, бросишь меня к чертям.

– На кого я запала? – я даже остановилась. – Вадик, ты серьезно?

– Ну а что? – он пожал плечами, и в этом жесте было столько детской обиды, что мне захотелось его обнять. – Он богатый, красивый, знаменитый. А я кто? Спортфак, стипендия, общага.

– Ты – это ты, – сказала я твердо. – И мне никто другой не нужен.

Это была правда. Почти. Потому что вместе с правдой в голове снова мелькнули черные глаза Титова, с насмешкой смотрящие на меня. Я отогнала это видение, как назойливую муху.

– Вечером погуляем? – спросил Вадик, уже счастливый, уже улыбающийся во весь рот.

– В парк ходим? Или в кино?

– Давай, – кивнула я. – Мне на работу только завтра.

Мы сделали круг по скверику, раскинувшемуся около университета, и вернулись к воротам. Он чмокнул меня в щеку у входа и убежал на пару. У меня занятий больше не было. Я смотрела ему вслед и почувствовала, как внутри разливается тепло. Обычное, человеческое, правильное тепло.

Все хорошо. Все наладилось.

Я шла к остановке, перепрыгивая через лужи, и улыбалась тюльпанам, которые несла в руках. Солнце пыталось пробиться сквозь московскую серость, и даже темный снег вдоль дороги казался не таким уж грязным.

Сзади слышался шум мотора – ровный, тяжелый, бархатистый. Такие звуки издают машины, в которых каждая деталь подогнана с миллиметровой точностью, где инженеры годами добивались, чтобы двигатель звучал именно так – дорого, но ненавязчиво. Я не обернулась. В Москве много дорогих машин.

Автомобиль поравнялся со мной и притормозил. Я боковым зрением увидела темно-серый кузов с идеальными, вылизанными линиями – ни одного лишнего изгиба, ни одной случайной детали. Машина была низкой, приземистой, хищной, как зверь перед прыжком. Широкие воздухозаборники, агрессивная решетка радиатора, эмблема с лошадью, вставшей на дыбы. «Феррари». Я не особо разбиралась в автомобилях, но эту породу узнает даже слепой – по тому, как она стелется над асфальтом, как переливается краска в скучном московском свете, как заставляет оборачиваться прохожих.

Такие машины обычно не ездят по нашим улицам. Они существуют в другом измерении – в подземных паркингах небоскребов, на закрытых трассах, в клипах рэперов. А эта стояла сейчас рядом со мной, урчала двигателем и загоразживала полдороги.

Окно опустилось с тихим стеклянным шелестом.

– Выздоровела? – голос я узнала сразу. Он въелся в память той ночью, въелся глубже, чем хотелось бы признавать.

Я вздрогнула и повернула голову.

Руслан Титов сидел за рулем автомобиля и ухмылялся. Темные очки, легкая небри-тость, рубашка с расстегнутой верхней пуговицей. Он выглядел так, будто только что сошел с обложки журнала «Forbes».

– Лера сказала, ты болеешь, – продолжил он, словно мы были старыми знакомыми. – А ты, смотрю, живее всех живых. И с цветами. Кто подарил?

– Не ваше дело! Я здорова, – ответила я сухо. – Спасибо за беспокойство. И до свидания.

Я отвернулась и пошла дальше. Машина не уехала. Она двигалась рядом – медленно, ровно, подстраиваясь под скорость моего шага.

– Садись, подвезу, – донеслось из окна.

– Нет, спасибо. Не нужно.

– Кажется, дождь собирается, – Титов высунулся из окна, поднял глаза к небу. – Промокнешь.

– Не сахарная, не растаю, – снова огрызнулась я.

Он усмехнулся. Я уже слышала эту усмешку – низкую, с хрипотцой. Она действовала на нервы.

– Упрямая, – констатировал он.

Я молчала и смотрела прямо перед собой и шла. Быстро. Остановка была уже близко – вон она, с облезлой скамейкой и вечно неработающим табло. Еще сто метров.

– Давай поужинаем сегодня, – не отставал Руслан. – Свожу тебя в какое-нибудь приличное место.

Я остановилась. Резко, будто наткнулась на стену. Повернулась. Подошла к машине. Наклонилась к открытому окну.

– Послушайте, Руслан, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Я не знаю, в какие игры вы тут играете... Может, вам скучно. Может, вы поспорили с друзьями, что охмурите провинциальную дурочку. Мне все равно. Но я не продаюсь. Не за ужин. Не за деньги. Не за вашу красивую машину. Оставьте меня в покое. Пожалуйста.

Я выдохнула. В груди колотилось сердце – быстро, зло, горячо. Он снял очки.

Глаза у него были светлые. На солнце они оказались не черными, а темно-карими, почти шоколадными. И в них плясали смешинки – наглые, самоуверенные, бесячие.

– Красиво говоришь, – сказал он. – Филфак прям чувствуется!

– Вы меня слышали?

– Услышал, – он откинулся на спинку сиденья, небрежно положил руку на руль. – Только ты ошибаешься, Ира. Я не пытаюсь тебя купить. Просто предлагаю варианты.

– Варианты чего?

– Ну... – он сделал паузу, будто подбирал слово. – Общения. Знакомства. Ты мне интересна. Что в этом плохого?

– То, что вы делаете это, как... – я замаялась всего на секунду, – ...как на аукционе. Сразу цену называете. Машина, ресторан, деньги за разговор. Вы даже не спросили, хочу ли я с вами разговаривать. Вы сразу начали торговаться.

Он усмехнулся. Другой бы на его месте смутился, может быть, извинился. Он – нет.

– И что в этом плохого, Ира? Все в этой жизни покупается, – сказал он спокойно. – Вопрос только в цене.

У меня внутри все закипало. Я не могла больше видеть его самодовольную надменную ухмылочку.

– Вы правда так думаете?

– Я не думаю, я знаю.

– Тогда вы мне глубоко противны, – сказала я. – Все покупается? Люди? Чувства? Совесть? Вы, наверное, и друзей покупаете, и женщин, и уважение. Только это не уважение, и не любовь. Это страх. Они боятся вас, боятся попасть в немилость, потому что вы можете отобрать то, что им дали. А я не боюсь. У меня отбирать нечего. И за все деньги мира я не соглашусь с вами быть. Ни сегодня, ни завтра, ни через сто лет. Вы мне неприятны. Вы – пустота в красивой обертке.

Я развернулась и пошла к остановке. Шла быстро, почти бежала. Тюльпаны тряслись в руке, лепестки осыпались на асфальт.

Сзади взревел мотор. Я не обернулась. Машина уехала. Я влетела на остановку, втиснулась между бабулей с сумками и школьником в наушниках. Села на край скамейки, сжала тюльпаны так, что стебли хрустнули. Глаза щипало, но я не плакала. Я просто сидела и смотрела, как мимо проезжают машины. Другие. Самые обычные.

– Девушка, вам плохо? – спросила бабуля.

– Нет, – ответила я, стряхнув оцепенение. – Спасибо. Все хорошо.

Подождал автобус. Я влезла в давку, прижала тюльпаны к груди и закрыла глаза.

«Пустота в красивой обертке».

Я сказала это. Я так думала. Тогда почему у меня дрожали руки? Почему в голове снова и снова прокручивалось, как он смотрел на меня, когда я говорила? Без злости, без обиды. С интересом.

«Все в этой жизни покупается. Вопрос только в цене».

Я ненавидела его за эти слова. Но где-то в самой темной глубине, там, где жили мои страхи, шевельнулось сомнение. А вдруг он прав? Вдруг у всего есть цена? Даже у меня. Я тряхнула головой, отгоняя эту мысль.

Автобус тащился по пробкам. За окном проплывали дома, деревья, люди. Чужие жизни. А я сидела и смотрела на свои руки – шершавые, с облезшей кожей, сжимающие дешевые цветы.

Вадик. Вечером мы идем гулять. Он будет держать меня за руку, целовать, рассказывать про свои игры и про пацанов с факультета. И все будет хорошо.

Дома я поставила тюльпаны в стеклянную банку, вазой все никак не могли разжиться, заварила чай, села с чашкой на подоконник. Лера еще не вернулась с занятий. В квартире было тихо, только холодильник мерно гудел.

Я смотрела на тюльпаны. Они стояли в воде, тянулись к свету, и мне вдруг стало их жалко. Такие же, как я. Срезанные, поставленные в банку, ждущие, что их кто-то оценит.

АРТЫ К ПЯТОЙ ГЛАВЕ

Ира и Вадик мирятся

Титов догнал Иру по дороге с университета

ГЛАВА 6

Вечером Вадик заехал за мной на мотоцикле. Я услышала рев еще из окна – он специально газовал, чтобы я выглянула. Стоял во дворе, задрав забрало шлема, и улыбался, как ребенок, которому купили новую игрушку. Дождался, наконец, весны! Любимый стальной конь Вадика всю зиму простоял у приятеля в гараже. Мотоцикл был старый, «Ява», кажется, или что-то подобное – рычащий, дребезжащий, с облупившейся краской на баке. Вадик копил на него полгода, работал летом грузчиком, экономил на обедах. И сейчас сидел на нем, как на троне.

– Садись, прокачу с ветерком! – крикнул он, когда я вышла.

Я натянула шлем – он был великоват, болтался на голове, пах чужим потом и бензином. Обхватила Вадика за талию, прижалась к его широкой спине, затянутой в кожаную куртку.

Мы понеслись по вечернему городу. Москва в сумерках была красивой – витрины горели теплым светом, фары машин струились реками, небо над высотками темнело медленно, нехотя. Вадик петлял между рядами, обгонял автомобили, вжимался в повороты, и я зажмуривалась от страха и восторга одновременно. Ветер бил в лицо даже сквозь шлем, выдувал все мысли, оставляя только одно: мы вместе, мы летим, и это счастье. Простое человеческое счастье.

В кинотеатре он взял огромное ведро попкорна и колу, и мы устроились в последнем ряду. Фильм был дурацкий – какой-то боевик про спецаргента, который в одиночку громил всех направо и налево. Вадик смотрел, открыв рот, жевал попкорн и комментировал особо крутые сцены. Я смотрела на него. На то, как свет экрана падает на его лицо, как он хмурится в напряженные моменты, как довольно улыбается, когда герой побеждает.

После фильма мы долго стояли у мотоцикла, не могли расстаться. Вадик держал мои руки в своих – огромных, теплых, чуть шершавых. Целовал пальцы, запястья, ладони.

– Я скучал, – сказал он тихо. – Эти два дня... как будто без воздуха.

– Я тоже, – ответила я.

И это была правда. Почти.

У подъезда мы целовались долго, пока соседи не начали выходить с собаками и коситься. Вадик оторвался от меня, тяжело дыша, уперся лбом в мой лоб.

– Я поеду тогда. Матч скоро начнется. Хотели посмотреть с пацанами игру. Ты точно не обидишься?

– Точно, езжай. Смотри свой футбол, – чмокнула я его в щеку.

– Завтра работаешь? – спросил он, усаживаясь на мотоцикл.

Я кивнула.

– Созвонимся.

Он уехал. Рев мотора еще долго был слышен всему микрорайону. Я стояла и смотрела ему вслед, пока не замерзла. Потом вздохнула, поправила шарф и вошла в подъезд.

Лифт не работал – как обычно. Четвертый этаж пешком. Я поднималась медленно, перешагивая через ступеньку, и думала о том, какой хороший был вечер. Простой. Человечный. Ключ повернулся в замке. Дверь открылась. Я замерла на пороге.

В прихожей было не протолкнуться.

Розы. Повсюду. Сотни роз. Красные, бордовые, белые – они стояли в ведрах, тазах, кастрюлях, даже в пластиковых бутылках с обрезанным горлышком. Заполонили весь коридор, громоздились друг на друге, лепестки осыпались на пол, который уже был усеян ими, как ковром.

Из кухни доносилась ругань Леры и звон посуды.

– Лер? – позвала я слабым голосом.

– Ирка! – подруга вылетела из кухни, красная, потная, с охапкой роз в руках. – Ты представляешь? Я уже не знаю, куда их ставить! Все емкости заняты! Это какой-то кошмар!

– Откуда это? – спросила я, хотя уже знала ответ.

– Оттуда! – Лера мотнула головой в сторону окна. – Курьер приперся через час после твоего ухода. Он прислал тебе целый фургон цветов! Я думала, ошиблись адресом. А он: «Нет. От Руслана Титова для Ирины Грушиной». И все. И началось. Я уже полчаса воду таскаю!

Я смотрела на это море цветов и чувствовала, как внутри закипает злость. Густая, тяжелая, горячая. Он что, издевается? Я ему сказала все, что думала, а он мне розы прислал? Сотни роз? Думает, я растаю?

– Зачем ты их вообще приняла? – спросила я.

– Интересно! А что мне было делать? – у Леры округлились глаза. – Выгнать курьера? Он бы их под дверь выгрузил. Представляешь, весь подъезд в розах? Бабу Зину с пятого этажа инфаркт бы хватил!

– Надо было обратно отправить! – рявкнула я и закусила нижнюю губу, пытаюсь сообразить, что теперь делать с таким количеством цветов.

– Ир, ты чего? – Лера поставила ведро на пол, подбоченилась. – Это же розы! Ты хоть представляешь, сколько они стоили? Это ж подумать только – сам Руслан Титов дарит ей цветы, а она нос воротит!

– Я представляю, Лер, сколько это стоило! – я ткнула пальцем в розы. – Он пытается меня купить. Сначала деньгами за разговор, потом приглашением в ресторан, теперь вот этим. А завтра что? Бриллианты? А послезавтра – «ну ты же взяла подарки, значит, должна»?

Лера смотрела на меня, открыв рот.

– У тебя, кажется, паранойя разыгралась, Грушина! – выдохнула она. – Он просто ухаживает.

– Он просто охотится. Я для него – трофей. Дичь. Интересная задачка, которая не поддается решению с наскока. Знаю я таких, как он! Поиграется и выбросит!

Я рванула к ближайшему ведру, схватила охапку цветов.

– Ты куда? – заорала Лера.

– На помойку! Помогай давай!

– С ума сошла?! – она вцепилась в мою руку. – Ирка, не смей! Если ты их выбросишь, я... Я... Я больше не буду с тобой разговаривать! Никогда! Поняла?

– А если Вадик увидит? – прервала я поток угроз. – Что я ему скажу? Это мне богатый ухажер цветы прислал, но ты не переживай? Это все ничего не значит? Видела, как он взбесился в прошлый раз?

Лера замерла.

– Вадик... – протянула она. – А Вадика и не надо видеть.

– Но он придет!

– А мы их спрячем! – Лера буквально грудью защищала цветы, отгородив меня от них. – В мою комнату. Я их расставлю, буду ухаживать. Вадик даже не узнает. А если спросит, откуда они, скажем... ну... я цветы люблю. Купила себе.

– Ты? – я снова скептически оглядела масштабы бедствия. – Он, по-твоему, совсем идиот?

– Ну... мое мнение ты знаешь! А что? – Лера гордо вскинула подбородок. – Не могу я себе цветы купить? Имею право. Красивая девушка, одинокая, могу себя баловать.

Я смотрела на нее и чувствовала, как злость медленно отпускает. Лера стояла посреди этого розового моря, уперев руки в бока, и выглядела такой решительной, что я невольно хмыкнула.

– Ты правда готова забрать это все в свою комнату?

– А почему нет? – она пожала плечами. – Красота же. Пусть стоят. Я хоть поживу как принцесса, пока не завянут.

– Лер...

– Что Лер? – она подошла ближе, взяла меня за руки. – Ир, я знаю, что иногда болтаю лишнее. Я сожалею, что ляпнула про Титова при Вадике и поссорила вас. Этого больше не повторится. Клянусь! Не хочешь богатого красивого мужика – твое дело. Я не собираюсь больше вмешиваться. Но они уже тут! Просто, позволь их оставить. Они ведь такие красивые...

Я смотрела на нее и не знала, что сказать. Лера умела бесить. Но она же умела и быть настоящей. Вот сейчас – стояла в розах, растрепанная, уставшая, с мокрыми руками, и в глазах у нее было столько искренности, что у меня защипало в носу.

– Ладно, – махнула я на нее рукой. – Делай что хочешь. Я к себе.

– Спасибо! Спасибо! Спасибо! – подруга повисла у меня на шее.

В моей комнате было темно и тихо. Я не включала свет – просто села на кровать, обхватила колени руками и уставилась на улицу. На подоконнике в банке стоял скромный букетик тюльпанов. На улице загорались чужие окна. Где-то там был Вадик. Он уже приехал в общагу, наверное, сидит с пацанами, смотрит футбол, орет, спорит, радуется жизни. Простой. Понятный. Мой.

А еще где-то там, в другом конце города, в пентхаусе с панорамными окнами, сидел он. Руслан Титов. И думал обо мне. Потому что иначе зачем эти розы? Зачем все это?

Телефон пикинул. Я не хотела смотреть. Но рука сама потянулась. Сообщение с незнакомого номера.

«Цветы понравились?»

Я сжала телефон так, что экран пошел рябью. Пальцы замерли над клавиатурой. Написать: *«Отвалите»*? Послать подальше? Или просто проигнорировать?

В комнату заглянула Лера.

– Ир, чай будешь? Я тут пирожных купила...

– Нет, спасибо, – покачала я головой. – Мы в кино перекусили.

Она посмотрела на телефон в моих руках, на мое лицо и, кажется, все поняла.

– Он пишет? Руслан? – в ее глазах горело любопытство.

– Неважно, – отвернулась я.

– Ир...

– Лер, иди уже. Пожалуйста.

Она вздохнула и закрыла за собой дверь.

Я осталась одна. В темноте. С телефоном в руках. С мыслями, которые путались.

«Цветы понравились?» – перечитала я сообщение, решительно заблокировала контакт и отбросила от себя телефон, будто он мог меня ужалить.

Я вскочила, распахнула окно, чтобы пустить внутрь свежий воздух и хоть ненадолго избавиться от удушающего запаха роз. Где-то вдалеке гудел город. А я сидела и смотрела в одну точку, пытаясь не думать о том, что, кажется, моей спокойной размеренной жизни пришел конец. Розы очень отчетливо пахли неприятностями.

АРТЫ К ШЕСТОЙ ГЛАВЕ

Ира и Вадик едут в кино

Ира вернулась домой и обнаружила цветы от Титова

ГЛАВА 7

На следующий вечер я шла на смену как на каторгу. Всю дорогу до клуба я уговаривала себя не думать о нем. О розах. О сообщении. О том, что я заблокировала номер, но это ничего не решило – розы продолжали пахнуть в Лериной комнате, и этот запах преследовал меня даже на улице, вьелся в волосы, в одежду, в кожу.

В раздевалке я молча переоделась. Лера крутилась перед зеркалом, поправляла заячьи ушки, но я видела: она поглядывает на меня в отражении.

– Нервная ты какая-то, – заметила она. – Думаешь, он сегодня придет?

– Кто? – спросила я, стараясь придать голосу максимальную беззаботность, сделала вид, что не понимаю, о ком она говорит.

– Вот что ты придуриваешься? – надулась Лерка. – Титов, конечно.

– Мне плевать! – равнодушно пожала я плечами, хотя сердце предательски пропустило удар при упоминании ненавистной фамилии.

Я ушла в свою каморку, сунула руки в горячую воду и попыталась провалиться в привычный ритм: тарелка, губка, тарелка, бокал, губка. Не думать. Просто мыть. Не получалось.

Через час дверь распахнулась, влетела Лера и зашептала мне на ухо:

– Ира, он здесь! Спрашивает про тебя...

Я замерла с тарелкой в руках.

– И что ты ответила?

– Ну как что? – растерялась Лера. – Как есть сказала. Он бы все равно узнал... Что будешь делать?

– Что буду делать? – я медленно, пальчик за пальчиком сняла мокрые перчатки и шваркнула их в раковину. – Пойду к нему и расставлю все точки над «и».

– Ир, ты только там аккуратно, ладно? – голос Леры задрожал. – Он могущественный человек. Постарайся не перегнуть палку. Нам проблемы вообще ни к чему!

– Не перегну! – заверила я подругу, хотя вообще не была в этом уверена.

Лера смотрела, как я иду к двери, и, кусала губы.

– Ир... – хотела она еще что-то сказать, но передумала.

– Все будет в порядке!

Зал гудел музыкой, басы вибрировали в груди, девушки у шестов извивались в синем неоне. Я ничего не замечала. Шла сквозь толпу, как танк, и люди сами расступались – видимо, по лицу читалось, что со мной лучше не связываться.

В VIP-зоне было шумно. Я отдернула рывком портьеру и вошла.

Руслан сидел на диване, развалившись, с бокалом виски в руке. Рядом – те же двое: Дэн и еще какой-то парень, имени которого я не запомнила. У стены сучала танцовщица, но на нее никто не смотрел. Все смотрели на меня.

– О, явилась, – хмыкнул Дэн. – Жрица любви собственной персоной.

Я проигнорировала. Подошла к Руслану. Встала прямо перед ним, уперла руки в бока. Он поднял бровь – вопросительно, лениво, с той самой усмешкой, которая бесила меня больше всего.

– Мне сказали, ты меня искал?

– Ну... Не то чтобы прямо искал... – пригладил он рукой волосы. – Просто поинтересовался у твоей подруги, как ты?

– Вот, я здесь! Можешь спросить меня лично.

– Мы уже перешли на ты, – заметил Титов. – Это большой шаг!

Друзья Руслана заржали, попытались отпустить парочку скабрёзных шуток, но я резко развернулась и ткнула пальцем Дэну в грудь.

– Молчать! – рявкнула я так, что он едва не поперхнулся виски.

В комнате стало тихо. Даже музыка, кажется, сбавила обороты. Дэн вытаращил глаза, второй парень замер с бокалом на полпути ко рту. Танцовщица перестала крутиться. Руслан смотрел на меня. В глазах – ни тени испуга. Только интерес. Живой, острый, как лезвие.

– Ну так что? Спросишь?

– Спрошу, – сказал он спокойно. Так, как ты?

– Как я? Как я? Сейчас я тебе расскажу, как я! Ты что себе позволяешь? – голос у меня дрожал от злости, но я старалась говорить твердо. – Кто тебе дал право присылать мне цветы? Кто тебе дал право писать мне? Я тебе ясно сказала: отстань! Я не нуждаюсь в твоём внимании, в твоих деньгах, в твоих дурацких розах!

– Ты не любишь розы? – спросил он совершенно серьезно. – Учел. В следующий раз пришлю орхидеи.

– Не будет следующего раза! – заорала я. – Ты вообще оглох? Я не хочу иметь с тобой ничего общего! Ты мне неприятен! Твои деньги меня не заводят! Ты привык покупать женщин, да? Думаешь, все продается? Так вот – я не продаюсь! Ни за цветы, ни за рестораны, ни за твои миллионы! Усек?

Дэн не выдержал – заржал. Громко, противно, захлебываясь.

– Охренеть, – выдавил он сквозь смех. – Рус, ты слышал? Она тебя отшивает! Миллиардера Титова! Девка с посудомойки!

– Заткнись, Дэн, – бросил Руслан, не глядя на него.

Но Дэн уже вошел в раж.

– Слышь, красавица, – обратился он ко мне, утирая слезы. – Ты хоть понимаешь, кто перед тобой? Да за ним бабы толпами бегают. Модели, актрисы, певицы. А ты нос воротишь? Ты вообще в зеркало смотрелась?

Второй парень захихикал в кулак.

– Ты, наверное, цену набиваешь, да? – продолжал Дэн. – Ну скажи сколько? Рус, не жмись. Может, она и правда чего стоит, раз так выеживается?

– Рот закрой, – сквозь зубы цикнул на него Руслан. Дэн сразу замолчал, вжался поплотнее в спинку дивана и покраснел. Я развернулась к нему.

– А ты вообще кто? – спросила я холодно. – Шут гороховый? Приживала при богатеньком друге? Держись за его спиной, твякаешь, чтобы тоже хоть немного внимания получить? Так ты уже получил. Сиди и радуйся.

У Дэна отвисла челюсть. Второй парень подавился смехом и закашлялся. Танцовщица опустила глаза в пол. Я перевела взгляд на Руслана.

– Ты, – сказала я тихо. – Оставь меня в покое. Навсегда. Понял?

Он смотрел на меня. Долго. Очень долго. Потом медленно поднял бокал, сделал глоток и поставил обратно на стол.

– Понял, – сказал он ровным тоном. – Иди.

Я вылетела из-за портьеры, как пробка из бутылки. В груди колотилось сердце, руки тряслись, в глазах щипало. Я неслась по коридору, не разбирая дороги, чуть не сбила официантку с подносом, влетела в кухню, потом в свою каморку, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной.

Отдышаться. Просто отдышаться.

Я сделала. Я сказала. Я поставила его на место. Почему же мне так хреново?

Я подошла к раковине, сунула руки в воду. Горячую, почти кипятком. Схватила губку, тарелку, начала тереть с такой силой, будто хотела отмыть не грязь, а весь сегодняшний вечер. Она скользнула, выпала из рук, ударилась о край раковины и разлетелась на осколки. Я замерла, глядя на них. Белые, острые, как мои нервы.

Дверь распахнулась. На пороге стоял менеджер – толстый, лысеющий мужик по имени Семен, которого все боялись. Лицо у него было красное, глаза выпученные.

– Ты что же это себе позволяешь? – заорал он. – Весь клуб на уши поставила! Мне жалуются, что какая-то посудомойщица ворвалась в вип-зал и устроила скандал! Ты охренела?

– Я...

– Молчать! – он шагнул вперед и ткнул в меня пальцем. – Ты уволена! Собирай вещи и вали отсюда, пока я полицию не вызвал!

Я смотрела на него. С минуту. Может, две. Потом медленно сняла перчатки. Мокрые, в мыльной пене и вложила ему прямо в руки. Он поморщился и брезгливо отбросил их от себя. На белой рубашке расплылось мокрое пятно.

– Нет, – сказала я, развязывая фартук. – Вы не можете меня уволить, потому что я сама увольняюсь! Держите. Сами мойте свою посуду!

Я накинула ему на шею фартук и пошла к выходу.

– Ты... ты... – начал заикаться он, но у меня не было желания ждать, когда он сформулирует предложение.

В раздевалке я переоделась в свою одежду: старые джинсы, свитер, тонкую куртку, схватила сумку. На выходе я столкнулась с Лерой.

– Ирка! – выдохнула она. – Что стряслось? Мне сказали, что тебя уволили!

– Нет, – покачала я головой. – Тебя неправильно проинформировали. Я ушла сама.

– С ума сошла? А как же деньги? А квартплата? А...

– Разберусь, – отмахнулась я от подруги и пошла к служебному выходу. Лера рванула следом, схватила за рукав.

– Ир, подожди! Ты из-за Титова? Да? Я ж тебе говорила, что с ним шутки плохи!

– Плевать я хотела на твоего Титова! Меня радует, что я больше никогда не увижу его надменную рожу!

Я вышла на улицу. Ночная Москва дышала холодом. Фонари горели желтым, машины шуршали шинами по мокрому асфальту. Я стояла у служебного входа, сжимая в руках сумку, и пыталась понять, что делать дальше.

Денег нет. Работы нет. Квартплата через неделю. Вадик, который не знает, что я творю. Лера, которая, наверное, уже обсуждает меня с подружками. И Титов – где-то там, в своем вип-зале, пьет виски и ухмыляется.

Я сделала шаг. Потом еще один. Куда идти? Ночь, метро не работает, а такси мне не по карману. Я решила позвонить Вадиду, попросить забрать меня, но едва я взяла телефон в руки, пришло оповещение.

Сообщение с незнакомого номера:

«Ты права. Не все можно купить. Я понял. Прости за розы».

Я замерла посреди тротуара, стояла и смотрела на экран, не веря своим глазам.

«Прости за розы».

Он извинился. Руслан Титов. Миллиардер. Король видеоигр. Сердцеед из списка «Forbes» извинился перед посудомойкой. Я не знала, что чувствовать.

Пальцы замерли над экраном. Написать? Не писать? Послать? Промолчать?

Ветер дул в спину, а я стояла и смотрела на одну строчку, которая переворачивала все, что я о нем думала.

«Прости за розы».

Я убрала телефон. Не ответила. Но контакт не заблокировала.

АРТЫ К СЕДЬМОЙ ГЛАВЕ

Ира разбирается с Титовым в клубе

Менеджер увольняет Иру с работы

ГЛАВА 8

Руслан действительно исчез из моей жизни. Сначала я ждала подвоха. Каждое утро просыпалась с мыслью, что сегодня снова увижу во дворе его машину, или курьера с цветами, или сообщение с незнакомого номера. Но дни шли, а ничего не происходило. Он исчез. Растворился. Как будто его никогда и не было.

В город пришла весна. Снег растаял, обнажив прошлогоднюю листву, окурки и собачьи следы. Деревья стояли голые, но в воздухе уже пахло чем-то свежим, влажным, обещающим. Солнце вставало все раньше и светило с каждым днем все ярче. Московская серость уже не казалась такой унылой.

Я устроилась на новую работу в другой клуб. До него было дольше добираться, платили меньше, зато публика была проще. Никаких миллиардеров, никаких вип-зон с персональными танцовщицами. Теперь, если вдруг я оказывалась в зале, мне не приходилось сжиматься в комок и ловить на себе липкие взгляды. Меня просто не замечали. И это было счастье.

Состояние моего отца стабилизировалось. Мама звонила каждый день и докладывала: давление снизилось, таблетки помогают, он даже начал выходить во двор, посидеть на лавочке. Я слушала и чувствовала, как внутри постепенно развязывается тот тугий узел, что завязался еще в конце зимы.

Денег катастрофически не хватало, но мы как-то крутились. Я перешла в университете на индивидуальный план, чтобы брать больше смен, сэкономила на всем, на чем можно было сэкономить. Но меня переполняла такая гордость, когда я отправляла родителям деньги, так нужные им на поддержание папиного здоровья.

А потом Вадик продал мотоцикл.

Как-то утром он написал сообщение, попросил зайти к нему в общагу после занятий. Он сидел на кровати и крутил в руках шлем. Просто крутил, молча, глядя в одну точку.

– Ты чего? – спросила я, садясь рядом.

– Продал, – сказал он еле слышно.

– Что продал? – не сразу поняла я.

– Мотоцикл, – выдал он из себя это слово так, будто кто-то умер.

У меня внутри все оборвалось. Я знала, что значил для него этот мотоцикл. Полгода работы грузчиком. Экономия на обедах. Вечера в гараже с приятелем, когда они вдвоем перебирали двигатель, копались в карбюраторе, спорили до хрипоты. Мечта, собранная по винтикам.

– Зачем? – спросила я шепотом.

Он поднял на меня глаза. Улыбнулся – криво, виновато, по-детски.

– Твоему отцу лекарства нужны, – сказал он. – Я же вижу, как ты бьешься. Одна. Но ты ведь не одна? Я с тобой. Выручил совсем немного. Старый он был, мой конь. Сама понимаешь. Но на таблетки хватит. Передашь маме, ладно?

Он достал из кармана спортивных штанов скрученные в трубочку купюры и протянул мне. Я смотрела на него и не могла говорить.

– Вадик... – выдавила я наконец. – Ты с ума сошел? Это же была твоя мечта.

– Мечты, – он пожал плечами, – они знаешь, какие? Приходят и уходят. А ты у меня одна. Разбогатею, новый куплю.

Я обняла его. Крепко, уткнулась носом в плечо.

– Спасибо, – прошептала я.

– Да ладно, – он смущенно отвел глаза. – Все нормально...

Потом он долго в подробностях рассказывал, как отдавал мотоцикл новому хозяину. Как завел его в последний раз, слушал, как тарахтит двигатель. Как снял шлем, погладил бак, будто тот живой. И как ушел, не оборачиваясь.

Я слушала и чувствовала, как внутри разливается тепло. Густое, благодарное. Рядом с Вадиком я была в безопасности. Рядом с ним все было просто и понятно.

Про Титова я старалась не думать. Но Лера не давала забыть. Она продолжала работать в «Амадее» и каждый раз после смены приносила свежие новости.

– Сегодня его снова не было. Он вообще стал редко стал появляться, – рассказывала она за завтраком. – Раньше все выходные у нас тусовался, а теперь раз в две недели заглянет, посидит часок и уходит.

Я делала вид, что мне неинтересно, но сама ловила каждое слово.

– И знаешь, – продолжала Лера, понизив голос, – он выглядит... ну, не знаю. Мрачный какой-то. Сидит, в одну точку смотрит. Дэн с ним шутит, а он даже не улыбается. Наверное, страдает.

– Лер, – попросила я ее однажды. – Давай договоримся. Больше ни слова о нем. Никогда. Не хочу ничего знать. Мне плевать и на него, и на его страдания. Своих проблем выше крыши.

Она подняла руки, сдаваясь.

– Все-все-все, молчу. Больше не заикнусь о Титове, если тебе эта тема так неприятна.

И она сдержала обещание. Больше ничего не рассказывала, и я постепенно прекратила о нем думать. Почти перестала ловить себя на том, что вглядываюсь в незнакомые машины. Почти перестала вздрагивать, когда телефон пиликал сообщением.

Я проводила свободные от работы вечера с Вадиком. Мы гуляли по парку, ели мороженое на скамейках, смотрели дурацкие фильмы, иногда он играл в свои игры, а я читала. Жизнь налаживалась. Все возвращалось на круги своя.

Я почти поверила, что все будет хорошо. А потом позвонила мама...

Я сидела на кухне, пила чай и смотрела в окно. За окном смеркалось, в соседнем доме зажигались окна. Телефон зазвонил неожиданно, резко, и я почему-то сразу поняла: что-то случилось.

– Ирочка, – голос мамы был чужой. Тонкий, срывающийся, словно принадлежал не ей. – Ирочка, беда.

Я сжала трубку так, что побелели костяшки.

– Что? Мам, что случилось? – почти закричала я.

– Отец... – она всхлипнула. – Ему опять стало плохо. Скорая еле успела... Он сейчас в больнице. Врачи говорят... Говорят...

– Мам! Что говорят врачи?

Пауза. Тишина. Я слышала, как она вытирает слезы, как шмыгает носом, как пытается взять себя в руки.

– Ему нужна операция, – выдохнула она наконец. – Срочно. Иначе... Иначе он не выкарабкается.

– Так... – я уже лихорадочно соображала. – Где будут оперировать? Сколько нужно денег?

– Триста тысяч, – сказала мама обреченным голосом. – Где нам взять столько?

– Что? – опешила я от услышанной цифры. – Почему так много?!

– Операция плюс реабилитация. Еще и препараты, поддерживающие... Я не знаю... Так врач сказал... У нас таких денег нет. Я всех родственников обзвонила, у кого можно занять. Но они сами еле концы с концами сводят. А если занять под проценты... Я не знаю, как мы отдадим. Я не знаю, что делать. Ирочка, я не знаю...

Она заплакала. Громко, в голос, как ребенок. Я никогда не слышала, чтобы мама так плакала. Я сидела на кухне, смотрела в стену и молчала.

Триста тысяч.

Для меня это была космическая сумма. Я зарабатывала тысяч тридцать в месяц, это с дополнительными сменами, плюс стипендия. Но почти все уходило на аренду квартиры и еду.

Я представила отца. Как он лежит в больничной палате, бледный, с капельницей в руке. Как смотрит в потолок и ждет. Ждет, что мы что-то придумаем... Или уже не ждет...

Мне стало дурно. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Я не могла допустить, чтобы он умер вот так. Когда был шанс его спасти, но мы его не использовали.

– Мам, – прошептала я в трубку. – Я найду деньги. Не плачь. Я найду.

– Ирочка, откуда? Ты же студентка, ты...

– Найду, я сказала.

Я положила трубку и уставилась в окно. Мысли скакали в голове, вытесняя одна другую, мозг судорожно искал решение, а в душе поселилась тягучая пустота.

ГЛАВА 9

Ночь я не спала. Лежала на кровати, смотрела в потолок и слушала, как за стеной возится Лера. Она то включала свет, то выключала, то ходила на кухню пить воду, то снова ложилась. Тоже не спала. Знала, что у меня случилось, но не лезла – ждала, когда я сама захочу поговорить.

А я не могла говорить. Перед глазами стоял отец. Каким я его запомнила в последний приезд домой – похудевший, седой, с желтоватой кожей. Он сидел на кухне, пил чай из большой кружки с трещиной на ободке, и улыбался мне своей обычной улыбкой:

– Ничего, дочка, прорвемся! – он всегда так говорил.

«Прорвемся». Когда завод закрыли, когда инфаркт случился, когда деньги кончились. «Ничего, дочка, прорвемся». А теперь не прорывается...

Я снова и снова представляла его в больничной палате. Белая простыня, капельница, плакающий аппарат. Лицо серое, глаза закрыты. И время уходит. Каждая минута приближает смерть.

В три часа ночи я не выдержала, встала и вышла на кухню. Налила стакан воды, выпила залпом, оперлась руками на раковину. В дверном проеме появилась Лера. Я услышала, как она вошла, но не обернулась. Она молча включила чайник, поставила на стол две кружки.

– Не можешь заснуть? – спросила она шепотом.

Я покачала головой и села напротив нее за стол.

– Мысли мешают. Все думаю, думаю, думаю... Ума ни приложу, что делать. Где найти триста тысяч?

– Сумма, конечно, большая... – теребила нижнюю губу пальцами Лера. – Столько с наскока не собрать.

– И я про то же... – я кивнула. Слова застревали в горле. – Мама говорит, без операции он умрет. Сердце. Совсем плохое.

– У них есть хоть какие-то сбережения?

– Какие сбережения, Лер? Отец полгода без работы. У них денег только на еду и коммуналку. Мама на трех работах, в магазинах убирается, сама знаешь...

Лера молчала, крутила кружку. Я смотрела, как ее пальцы гладят ободок, губы беззвучно шевелятся. Она часто так делала, когда думала.

– А Вадик? Он ничем помочь не может? – спросила она осторожно.

– Он мотоцикл уже продал. Отдал все, что выручил, – покачала я головой. – Это все, что у него было.

– Слушай, ну у меня двадцатка отложена. На море копила. Могу еще у родителей спросить. Может они что подкинут. Но там тоже много не будет.

– Спасибо тебе, – тронула я подругу за руку. – Только этого все равно не хватит.

Я всхлипнула.

– Ну тише, тише... Что-нибудь обязательно придумаем.

– Что делать, Лер? Я не знаю, что делать. Взять негде, занять не у кого. В кредит мне никто не даст, я студентка без официальной работы.

Лера молчала. Долго. Потом я услышала, как она вздохнула – тяжело, будто решалась на что-то.

– Ир, – сказала она тихо. – Крутится у меня в голове один вариант. Но он тебе не понравится...

Я подняла голову, посмотрела на нее. Я знала, что она хочет предложить. У меня и у самой этот вариант крутился в мыслях, но я его решительно отметала. Оставила на самый крайний случай, если ничего другого не придумаю. Я покачала головой.

– Для него триста тысяч – это копейки. Он в клубе за вечер больше оставляет. Ты ему нравишься, это же очевидно. Он за тобой бегал как ненормальный. Если ты попросишь... – затараторила она, стараясь выложить сразу все аргументы, пока я не успела отвергнуть ее идею.

– Нет! – замахала я руками перед ее лицом. – Нет, нет и еще раз нет!

– Ир, ты даже не дослушала!

– Я сказала нет, – голос у меня дрогнул. – Лер, ты помнишь, как мы с ним расстались? Я ему ясно дала понять, что не продаюсь. Что он мне противен. Что никогда в жизни. А теперь приползу и буду просить? Как ты себе это представляешь?

– Не просить. Возьми в долг, – развела руками подруга.

– А чем отдавать? Собой? – я горько усмехнулась. – Ты же сама все понимаешь...

Лера посмотрела на меня в упор.

– Да даже если и собой! – сказала она жестко, глаза были абсолютно серьезными. – Я понимаю, на чаше весов сейчас твоя гордость. Но на второй-то – жизнь твоего отца! Если ты не попросишь, а он умрет... Ты потом сможешь себе это простить?

У меня перехватило дыхание. Я закрыла лицо руками, понимая, что она была права. Вот он шанс, который я так старательно отметала, игнорировала. Решение всегда лежало на поверхности. Просто оно мне не нравилось, потому я его отметала.

– А если попрошу, и он... – я не смогла договорить.

– Что? – Лера подалась вперед. – Что он может сделать? Скажет нет? Ну скажет. Зато ты хоть попыталась. А если скажет да – ты оплатишь отцу операцию. А гордость...

Она махнула рукой. Я смотрела на нее и не узнавала. Куда делась вечно хохочущая Лера, которая помешана на парнях и тряпках? Сейчас передо мной сидела взрослая женщина с жесткими глазами и говорила правильные слова.

– Ты понимаешь, что он попросит взамен? – вздохнула я.

– Понимаю, – кивнула она. – Но понимаю так же, что сотни девушек сами готовы ему заплатить, чтобы переспать с ним. Что ни говори, но он красавчик. И жутко сексуальный. И, в конце концов, не убудет же с тебя! Подумай!

Она встала и ушла в свою комнату. Я осталась одна. Сидела на кухне до рассвета. Смотрела, как за окном светлеет небо, как пробиваются первые лучи солнца, как просыпается город. И думала.

Я так гордилась тем, что не клюнула на его деньги. Не повелась на его розы. Не сдалась. Я считала себя сильной, принципиальной, не такой, как все. А сейчас сидела и понимала: моя принципиальность стоит триста тысяч. Ровно столько, сколько нужно, чтобы папа остался жив. И если я не переступлю через себя, а он умрет – я буду ненавидеть себя всю оставшуюся жизнь.

Я достала телефон. Нашла то сообщение, что Титов прислал мне месяц назад. То, где он извинился за цветы и практически попрощался со мной. Палец завис над экраном.

Я вспомнила отца. Как он учил меня кататься на велосипеде. Как нес на плечах через лужу. Как мы вместе смотрели старые комедии и хохотали до слез.

Я начала печатать. *«Руслан, это Ира Грушина. Мне нужно с тобой встретиться. Есть разговор».*

Отправила. Сразу стало легче. Назад пути не было. Решение принято. Осталось теперь лишь дожидаться ответа.

ГЛАВА 10

Ответ пришел только к утру. Все это время я металась по квартире, не находя себе места. Я уже успела несколько раз пожалеть о том, что повелась на Лерины уговоры и написала ему. Представляла, как он смеется надо мной. Оно и неудивительно, после того, что я ему наговорила. Но около шести часов мой телефон пикинул, оповещая о том, что пришло сообщение, и сердце подпрыгнуло к самому горлу и замерло от страха. Я зажмурилась, ткнула пальцем в экран, выдохнула и прочитала текст.

«Ресторан «Небо». Баиня «Федерация», 86-й этаж. 14:00. Без опозданий. И пожалуйста, оденься поприличнее. Там строгий дресс-код»

Я перечитала три раза. «Оденься поприличнее». Укололо. Как будто он уже знал, что у меня нет ничего приличного. Как будто напоминал: ты не из этого мира, но попытайся.

«Я буду» – написала я. И добавила: *«Спасибо»*.

Ответа не последовало.

Ложится я уже не стала. Приняла контрастный душ, чтобы хоть как-то взбодриться, сварила крепкий кофе, на запах которого из своей спальни выползла заспанная Лера.

– Ну, что ты решила? – спросила она с порога.

– Встречаюсь с ним сегодня в два часа, – я старалась сделать как можно более беспечный вид, но меня все еще лихорадило от нервов. – В ресторане «Небо».

Лерка присвистнула. Видимо, в отличие от меня, она была наслышана об этом месте.

– Отлично! – подруга плюхнулась на стул и вцепилась обеими руками в горячую кружку.

– Надо тебе марафет навести тогда. Там место очень приличное!

– Да мне уже сообщили, – вздохнула я, садясь напротив. – Ума не приложу, что мне надеть. Сдается мне, что мое понимание приличия сильно разниться с пониманием местной публики.

– Не дрейфь! – у Леры загорелись глаза. – Сейчас такую куколку из тебя сделаем, закачаешься!

Я в сомнениях закатила глаза, но результат меня действительно удивил.

Из моего скромного гардероба подруга выудила платье, о котором я совсем забыла. Покупала год назад на распродаже, но так ни разу и не надела. Простое, черное, длиной чуть выше колена, с закрытой спиной и коротким рукавом. Тот вариант, когда вообще не понятно, сколько стоит вещь.

– Годится! – заявила Лера, покрутив меня перед зеркалом. – Волосы распусти!

Я послушно исполняла все ее распоряжения.

– С распущенными волосами ты выглядишь... ну, не так сурово что ли. Мягче.

– Я и так мягкая, – возмутилась я.

– Ты? – она усмехнулась. – Ты железобетонная, Ирка. Но ему это, кажется, даже нравится. Только сейчас не надо строить из себя крепость. Ты пришла просить, не забывай об этом ни на секунду.

Я помнила. Слишком хорошо помнила.

Лера усадила меня на табурет и начала колдовать над лицом. Тонкий слой тонального, легкие тени, тушь. Обычно я не красилась – не умела, не любила, не видела смысла. Но сейчас молчала и смотрела, как в зеркале появляется другая девушка. Красивая. Уверенная. Чужая.

– Губы не трогай, – сказала Лера, отступая на шаг. – У тебя свои хорошие. Только чуть-чуть прозрачного блеска добавим, и будет отлично.

– А как мне себя вести? – нервничала я. – Что говорить?

– Держись ровно. Спина прямая. Подбородок вверх! – она говорила быстро, словно инструктировала новенькую официантку в клубе. – Он мужчина, Ир. Любой мужчина тает, когда женщина смотрит ему в глаза и говорит спокойно. Не дрожи. Не лебези. И не извиняйся.

– Не извиняться? – переспросила я.

– А за что тебе извиняться? За то, что отец умирает? За то, что пришла просить? Нет. Ты делаешь то, что должна. Это он может сказать да или нет. А ты просто просишь. Но проси с достоинством!

Я кивнула. В голове крутилось: не дрожи, не лебези, не извиняйся.

– И еще, – Лера взяла меня за плечи, заглянула в глаза. – Если он начнет... ну, намекать на что-то. Не взрывайся. Помни, зачем ты идешь. Ты можешь согласиться. А можешь уйти. Но решение принимай головой, не эмоциями. Поняла?

– Поняла.

Я надела весеннее пальто, тонкое, светло-серое, родители подарили два года назад. Оно было чуть великовато в плечах, но в целом сидело неплохо.

– Хоть на обложку журнала! – восхитилась собственным творением Лера. – Все. Иди. И пусть у тебя все получится.

Я благодарно обняла подругу и вышла из квартиры.

«Башня Федерация» возвышалась над Москвой-рекой стеклянным великаном. Я стояла у входа, задрав голову, и пыталась разглядеть восемьдесят шестой этаж, куда мне предстояло подняться, но небо было серым, и башня, уходя в облака, терялась где-то там, наверху.

Внутри было тихо и холодно. Мраморный пол блестел, охрана в строгих костюмах провожала взглядом, стойка ресепшн сияла хромом. Я подошла, назвала фамилию. Девушка за стойкой улыбнулась профессионально, сверилась с планшетом.

– Руслан Сергеевич ждет вас. 86-й этаж, ресторан «Небо». Лифт направо.

Лифт у ресторана оказался стеклянным. Изнутри я видела улицу, хотя снаружи шахта была зеркальной. Я вошла, нажала на нужную кнопку, и кабина плавно пошла вверх. В ушах заложило. Я смотрела на цифры, которые бежали на табло: 10, 20, 30. Город уходил вниз, становился игрушечным. Машины превратились в муравьев, дома – в спичечные коробки. А я поднималась все выше, и с каждым этажом внутри нарастала паника.

Что я делаю? Зачем я здесь? Он специально выбрал для встречи такое место, чтобы подчеркнуть мою ничтожность на своем фоне. Я сжалась в комок. Дико захотелось сбежать.

50, 60, 70.

Я представила отца. Его руки, лежащие на больничной простыне. Шершавые, натруженные, с обломанными ногтями. Эти руки поднимали меня, когда я была маленькой. Держали мой велосипед, когда я училась кататься. Строили дом, сажали деревья, работали без устали многие годы. А теперь они слабые, бледные, почти прозрачные.

Если я сейчас развернусь и уйду – я их больше никогда не увижу.

80, 86.

Лифт остановился. Двери открылись беззвучно. Я шагнула в зал и замерла.

Здесь было небо. Сплошные стены из стекла, и за ними – весь город. Москва раскинулась внизу, как на ладони. Кремль, высотки, изгибы реки, ниточки дорог. Все серое, дымчатое, далекое. И это чувство, что ты паришь, что под тобой ничего нет, только воздух и земля где-то там, глубоко внизу.

Зал был почти пуст. Несколько столиков у окон, мягкий свет, живая музыка – в углу пианист тихонько наигрывал мелодию. Пахло цветами и дорогим кофе. Вышколенный администратор в безупречном черном костюме бесшумно возник рядом.

– Вы к Руслану Сергеевичу? – спросил он, изучая меня взглядом.

Я кивнула.

– Прошу за мной.

Он повел меня через зал. Я шла, стараясь держать спину прямо, голову выше, но ощущение, что мне здесь не место только росло с каждым шагом. Руслан сидел за столиком у окна. Расслабленная поза, слегка задумчивое выражение лица. Это был его мир. Здесь он чувствовал себя хозяином.

За месяц он почти не изменился. Все тот же: темные волосы, дорогой пиджак, расстегнутая верхняя пуговица рубашки. Только глаза... В них не было той насмешки, что раньше. Что-то другое. Настороженность. Или ожидание.

Он заметил меня, поднялся навстречу.

– Добрый день, Руслан, – кивнула я ему. – Спасибо, что согласился встретиться.

– Ира, – сказал он просто, снимая с моих плеч пальто. – Садись.

Официант отодвинул мне стул, подождал, пока я сяду, бесшумно исчез. Я поправила платье, сложила руки на коленях и подняла на Титова глаза. Он смотрел внимательно, ждал, когда я начну говорить, но я молчала. Ком подкатил к горлу, слова застряли где-то глубоко внутри.

Я смотрела на него, а он смотрел на меня. И в этой тишине я чувствовала, как колотится сердце, как дрожат пальцы, как пересохло во рту.

– Я... – только я собралась с духом и начала говорить, как он жестом перебил меня.

– Увидел тебя, и совсем забыл о приличиях! – он расплылся в своей самодовольной улыбке и вальяжно откинулся на стуле. – Ты голодна?

– Нет! – я замотала головой, но желудок, в котором с самого утра плескалась только чашка кофе, предательски заурчал.

– Голодна! – хмыкнул Руслан и подозвал официанта.

– Нет! Пожалуйста! – запротестовала я. – Мне нужно поговорить... Точнее... Я хочу тебя кое о чем попросить. Это важно!

– Знаю, что важно, – кивнул он. – Было бы неважно, ты бы не пришла.

Подскочил официант, положил перед нами позолоченные папочки.

– Выбирай, все что хочешь, – Руслан хлопнул ладонью по меню. – Я угощаю.

– Я не голодна, – замахала я руками. – Просто выслушай!

– Сначала обед, потом дела! – он прищурил глаза, губы тронула ухмылка. – Или разговор окончен.

Я стиснула зубы, открыла папку, посмотрела на цены и чуть не закрыла ее обратно. Восемьсот рублей за чашку кофе. Три тысячи за салат. Восемь за горячее. За эти деньги можно было купить продукты на неделю. Я растерянно смотрела на цифры, не зная, что выбрать. Руслан все это время внимательно наблюдал за моей реакцией.

– Я не могу! – нервно закрыла я меню. – Это все очень дорого!

Он молча покачал головой.

– Надо что-то выбрать, – сказал он твердо, и я поняла, что он не шутил.

– Я возьму салат, – сдалась я, вспоминая Лерины наставления. – Любой.

Титов сделал знак официанту и тот тут же материализовался рядом, готовый исполнить любой его каприз.

– Принесите нам, – Руслан даже не открыл меню, скорее всего знал его наизусть, – два салата с креветками и трюфелем. На горячее мы будем ризотто с белыми грибами и дораду с овощами.

– Что будете пить? – спросил официант, записав заказ в блокнот.

– Принесите нам, пожалуй, бутылочку Шато Марго, – Руслан бегло глянул на часы, словно убедившись, что для алкоголя не слишком рано.

Я хотела было запротестовать, но поймала на себе его взгляд и передумала.

Официант кивнул и бесшумно исчез.

Я молчала, сложила руки на коленях и смотрела в окно. Город внизу казался игрушечным, чужим, ненастоящим. Как и этот ресторан. Как и этот обед. Как и вся эта ситуация, в которой я оказалась.

– Не злись, – услышала я его голос.

– Я не злюсь.

– Злишься. Я вижу, – он усмехнулся. – Надо поесть. Если мы будем говорить на голодный желудок, разговор получится дерьмовый. А я так не люблю.

– А ты часто ведешь серьезные разговоры в ресторанах? – поинтересовалась я.

– Часто, – он кивнул. – В моем бизнесе все сделки заключаются за обедом.

Сделки. Значит он знает, что я пришла что-то просить. А значит, будет торговаться. Как всегда. Он так привык, и не мне его в этом винить.

Официант принес вино, разлил по бокалам.

– Попробуй, – Руслан поднял свой.

– Я не вино распивать сюда пришла! – внутри у меня начинала закипать ярость, защипало в носу.

– Мы поговорим, – пообещал он, видимо, заметив мое состояние. – После обеда. Обещаю.

Я кивнула. Взяла в руки бокал, сделала глоток, но не почувствовала вкуса. Зато Титов одобрительно улыбнулся. Время в ожидании, пока нам принесут блюда, тянулось бесконечно, будто резиновое.

За окном плыли облака. Внизу шумел город. А я сидела в ресторане на восемьдесят шестом этаже, смотрела на мужчину, которого ненавидела всей душой, и знала: сейчас, после обеда, я попрошу его о помощи. И он скажет «да». Или «нет». И моя жизнь разделится на «до» и «после».

АРТЫ К ДЕСЯТОЙ ГЛАВЕ

Ира поднимается на лифте на 86 этаж

Руслан встречает Иру в ресторане

ГЛАВА 11

Официант унес тарелки. Я отодвинула бокал с вином – за весь обед сделала только один глоток, и тот не почувствовала. Руслан допил свой, поставил на стол, посмотрел на меня.

– Ну, – сказал он, откинувшись в кресле. – Я слушаю.

Я выдохнула. Готовилась к этому моменту с самого утра, репетировала слова, но теперь они все вылетели. Осталась только правда.

– Мне нужны деньги, – выпалила я. – Триста тысяч. На операцию отцу. Если не сделать... – голос дрогнул, но я взяла себя в руки. – Если не сделать, он умрет.

Руслан слушал молча. Не перебивал, не задавал вопросов. Просто смотрел.

– Я знаю, что это много, – продолжила я. – Знаю, что не имею права просить. Но ты... у тебя есть такие деньги. Для тебя это... Не то, что для меня. Я пришла просить. И я готова сделать все, что ты попросишь. Взамен.

Он молчал. Долго. Так долго, что я начала считать удары сердца.

– Все? – переспросил он тихо.

Я кивнула.

– Ты ведь знаешь, чего я хочу, – сказал он.

– Знаю.

– И ты согласна.

Это был не вопрос. Утверждение.

Я снова кивнула.

Он откинулся на спинку стула, провел пальцем по ободку бокала. В его глазах не было торжества. Не было той хищной усмешки, с которой он смотрел на меня в клубе. Он выглядел задумчивым.

– Помнишь, что ты мне сказала в прошлую нашу встречу? – спросил он.

Я помнила. Каждое слово.

– Я сказала, что не все в этой жизни продается.

– А теперь? Теперь ты предлагаешь мне купить себя? Я правильно понимаю?

Я сжала пальцы на коленях.

– Правильно... – я сглотнула подкативший к горлу ком. – Теперь я думаю, что ты был прав.

– В чем именно?

Я помолчала. Слова давались с трудом, но я заставила себя их произнести.

– В том, что у всего есть цена. Просто иногда она выражается не в деньгах. Иногда это... что-то другое. Гордость. Достоинство. Свобода. И в какой-то момент ты понимаешь, что готов отдать это за что-то большее. За жизнь человека, которого любишь.

Руслан смотрел на меня, не отрываясь.

– И каково это – понять, что у тебя есть цена?

Я задумалась. Никто не задавал мне такого вопроса. Я сама себе его не задавала.

– Страшно, – призналась я честно. – Но одновременно... освобождает. Потому что, когда ты признаешь, что не можешь быть идеальной, что у тебя есть слабости и есть то, ради чего ты готова переступить через себя – ты перестаешь притворяться. Становишься настоящей.

– Настоящей... – повторил он за мной. – Это больно, согласишься?

– Больно, – я усмехнулась, но усмешка вышла горькой. – Но, оказывается, быть слабой гораздо легче, чем сильной. Сила требует гордости, а гордость – это роскошь. Я больше не могу себе ее позволить.

Он слушал, не перебивая. Я говорила, и с каждым словом становилось легче. Как будто я не ему это рассказывала, а себе. И признавала то, что отрицала всю свою жизнь.

– Ты знаешь, – сказал он тихо, – я ведь не со зла тогда тебе это сказал. Я просто... в том мире, где я живу, правда все продается. Контракты, сделки, люди. И я привык, что это нормально. Но когда ты пришла в клуб, такая... злая, принципиальная, которая кричала мне в лицо, что я пустота в красивой обертке... – он усмехнулся, покачал головой. – Я тогда подумал: может, она права? Может, есть что-то, чего не купишь за деньги?

– А теперь? – спросила я.

Он посмотрел на меня. Долго. Внимательно.

– А теперь я снова уверен, что у всего есть своя цена... Как это ни прискорбно звучит. Мне правда жаль, что твой отец заболел.

Я ждала, что он начнет торговаться. Называть условия. Требовать. Но он просто смотрел на меня, и в его взгляде было что-то, чего я не понимала.

– Я дам тебе деньги, – сказал он, наконец, и я выдохнула. – Триста тысяч. Давай номер, куда перевести?

Он достал телефон, открыл мобильный банк.

– Подожди, – остановила я его. – Мы ведь еще не обсудили условия... сделки. Что ты хочешь взамен?

– Ничего, – развел он руками. – Мне достаточно твоего признания моей правоты. Поэтому я дам тебе эти деньги просто так.

– Просто так? – переспросила я. У меня начало стучать в висках, ладони резко вспотели, дыхание сбилось.

– Просто так, – кивнул он и ухмыльнулся.

Я смотрела на него и не верила. Это было не то, чего я ожидала. Он должен был требовать. Должен был намекать, торговаться, унижать. А он просто... давал.

– Я не понимаю... Ты ведь хотел меня, – уставилась я на него. – С самого начала.

– Хотел. Не отрицаю.

– Зачем все это было? Цветы, разговоры, смс-ки? Ты хотел меня заполучить. И вот, я здесь. Говорю, что готова дать тебе то, что ты хотел. А ты отказываешься?

– Я не отказываюсь. Я говорю: я помогу. Бесплатно.

– Почему? – не унималась я.

– Ну... – он посмотрел в окно, задумчиво потерев губу. – Ты предлагаешь мне сделку. И, как по мне, она несоразмерная. Даже при том, что я могу себе позволить практически все... Ночь любви за триста тысяч. Такое себе...

– Понятно... – поджала я губы. – Я предложила слишком мало...

– В чем проблема? – развел он руками. – Ты попросила о помощи. Я готов тебе ее оказать. О чем мы спорим?

– Я не хочу быть обязанной, – выдохнув, ответила я.

Он приподнял бровь.

– Это принцип такой?

– Это... – я замялась, подбирая слова. – Я не умею брать просто так. Я всегда за все плачу. И сейчас хочу заплатить сама. Чтобы потом между нами ничего не было. Ни долгов, ни обязательств. Разовая сделка. Ты получаешь, что хотел. Я получаю то, что мне нужно. И мы расходимся. Так мне будет легче...

Руслан смотрел на меня. Долго. Потом медленно покачал головой.

– Упрямая, – сказал он. – Даже когда проигрываешь, пытаешься торговаться.

Я не ответила. Он достал телефон.

– Диктуй, куда отправить деньги.

Я продиктовала сразу номер мамы. Он набрал, отправил.

– Перевел, – сказал он, убирая телефон.

– И что теперь? – спросила я.

– А теперь, раз ты настаиваешь на сделке... – он взял со стола салфетку, достал из кармана ручку, написал адрес. – Сегодня вечером. В девять. Не опаздывай.

Я взяла салфетку. Пальцы не дрожали.

– Хорошо, – кивнула я. – Я приду.

Я встала. Он тоже поднялся.

– Ира, – позвал он, когда я уже взяла пальто.

Я обернулась.

– Ты еще можешь передумать...

Но я покачала головой.

– Не хочу быть обязанной, – сказала я. – Чтобы иметь право уйти и никогда не оглядываться.

Он кивнул.

– В девять, – повторил он.

Я надела пальто и пошла к выходу. Шла медленно, спину держала прямо, голову – высоко. Чувствовала его взгляд между лопаток, но не обернулась.

В лифте меня наконец отпустило.

Я прислонилась к стеклянной стене, закрыла глаза. Город внизу кружился, плыл. Я возвращалась на землю, но чувствовала, что часть меня осталась там, наверху. В ресторане с видом на небо. За столом, где я только что продала себя.

Я подумала о Вадике. Я надеялась, что когда-нибудь он поймет, почему я так поступила. Когда-нибудь, когда я смогу ему все объяснить. Когда эта история закончится.

Он поймет. Должен понять. И простит.

Лифт остановился. Двери открылись. Я шагнула в огромный мраморный холл, прошла мимо охраны, мимо девушки на ресепшн, вышла на улицу. Весенний ветер ударил в лицо, растрепал волосы. Я подняла воротник пальто, сделала несколько шагов к метро. Зазвонил телефон. Я достала, посмотрела на экран. Мама.

– Ирочка! – голос у нее был растерянный, срывающийся. – Только что на карту пришли деньги. Триста тысяч. Я не знаю, от кого. Ты... это ты?

Я хотела сказать что-то бодрое. Что все хорошо. Что я нашла деньги, что отца спасут, что не надо ни о чем беспокоиться. Но горло сдавило.

– Да, мам, – выдавила я. – Это я.

– Откуда? Ирочка... Откуда такие деньги?

– Не переживай, мам. Все честно, – я говорила, а по щеке катилась слеза. Одна. Вторая. Я не вытирала. – Операцию сделают, папа поправится.

– Ирочка... – мама всхлипнула. – Спасибо тебе. Я так боялась... Я думала...

– Все будет хорошо, мам, – голос дрогнул, но я улыбнулась. Она не видела, но я улыбнулась. – Я обещаю.

Я сбросила вызов. Стояла посреди московской улицы, смотрела, как люди спешат по своим делам, как течет жизнь – обычная, человеческая, не имеющая никакого отношения к ресторанам на восемьдесят шестом этаже и сделкам с миллиардерами. Я вытерла щеки. Вдохнула полной грудью.

В кармане я сжала в кулак салфетку с адресом и пошла к метро. Шла и думала: папа будет жить. Ради этого стоило продать что угодно. Даже себя.

ГЛАВА 12

Салфетка с адресом лежала на тумбочке уже несколько часов, и я смотрела на нее, сидя на кровати, обхватив колени, будто это не клочок бумаги, а приговор, вынесенный мне мной же самой. Рядом валялся телефон и вибрировал уже в пятый или в шестой раз за вечер. Вадик. Я знала, что это он, даже не глядя на экран. Его имя, его фото, его улыбка. Я сбросила вызов, не поднимая трубки. Знала, если отвечу, то не сделаю того, что должна.

Через минуту телефон ожил снова, потом пришло сообщение: «Ты где? Я волнуюсь. Ответь». Я нажала кнопку выключения, и экран погас. Так будет лучше, убеждала я себя. Я поговорю с ним позже. Когда все закончится. Когда смогу смотреть ему в глаза. Когда буду готова.

В дверь тихо постучали, и в комнату заглянула Лера – встревоженная, непривычно серьезная, без своей вечной улыбки. Она села рядом, положила ладонь на мою руку, посмотрела на салфетку, на выключенный телефон, на мое лицо, и я поняла, что она знает все, даже то, о чем я не говорила вслух.

– Ты уверена? – спросила она, и в ее голосе не было обычной легкомысленности, только тихая, взрослая тревога. – Еще не поздно отказаться.

– И потом быть вечной должницей Руслана Титова? – спросила я таким будничным тоном, словно говорила о погоде или о том, что надо купить хлеба. – Так будет лучше. Правильнее.

– Тогда собирайся! И покончи с этим!

Я встала, подошла к шкафу. Джинсы. Белая рубашка. Больше ничего. Я не собиралась наряжаться для него. Не собиралась играть в соблазнение. Я приду, сделаю то, за чем пришла, и уйду. Без лишнего пафоса.

Лера молча наблюдала, как я одеваюсь. Не советовала, не комментировала. Только когда я уже застегивала рубашку, подошла и поправила воротник.

– Ты сильная, – сказала Лера. – Самая сильная из всех, кого я знаю. И самая упрямая!

Я не ответила. Просто взяла салфетку, сунула в карман и вышла в вечернюю Москву.

Дом, указанный в адресе, оказался высоткой из стекла и бетона – неброской, но дорогой, с той тихой роскошью, которая не нуждается в вывесках и рекламе. Отдельный въезд, шлагбаум, открывающийся по пропускам, ни одного лишнего звука. Я назвала фамилию в домофон, и ворота разъехались, пропуская меня в мир, где у воздуха была другая плотность, а у тишины – другой вес. В вестибюле, выложенном плитами серого мрамора, было стерильно и безлюдно; охранник в безупречном костюме даже не поднял головы – предупрежден, и ему не нужно меня проверять.

Лифт оказался отдельным, ведущим прямо в квартиру – с кожаными панелями, мягким светом и единственной кнопкой. Я нажала, двери сомкнулись, и кабина бесшумно поплыла вверх. В ушах заложило, и я смотрела на себя в зеркальную стену – бледную, с темными кругами под глазами, в джинсах и белой рубашке, с волосами, стянутыми в небрежный хвостик. На девушку, которая пришла продавать себя. Нет. Которая пришла спасать отца. Я повторяла это снова и снова, как молитву, как заклинание, как единственную ниточку, которая удерживала меня от того, чтобы нажать кнопку «стоп» и бежать прочь.

Когда двери открылись, я шагнула в прихожую и замерла. Квартира занимала целый этаж – высокие потолки, панорамные окна во всю стену, и за ними вечерняя Москва рассыпалась огнями, уходя к горизонту. Пол из темного дерева, стены цвета слоновой кости, ни одной лишней детали. В гостиной, просматривающейся из прихожей, стоял огромный диван, низкий стеклянный столик, несколько кресел, и на стенах – не картины известных художников, не гобелены, а постеры. Я присмотрелась: обложки видеоигр, концепт-арты, эскизы персонажей, на

полке – статуэтки, фигурки, несколько наград в прозрачных коробках. Это не был дом миллиардера из глянцевого журнала. Это был дом человека, который живет своими проектами, который создает миры, который живет своими проектами.

– Заходи.

Я вздрогнула. Руслан стоял в проходе, и я не слышала, как он подошел. На нем были серые спортивные штаны, сидящие на бедрах, и простая белая футболка. Босиком. Волосы чуть влажные, будто он только что вышел из душа. Домашний, расслабленный, не тот Руслан, что сидел в ресторане в дорогом пиджаке, а другой – ближе, уязвимее, и от этого становилось еще страшнее, потому что ненавидеть его таким было невозможно.

Я шагнула в гостиную. Остановилась у окна, не зная, куда деть руки. Смотрела на огни внизу, на бесконечные вереницы машин, на жизнь, которая текла там, где-то далеко.

– Хочешь вина? – спросил он.

– Нет.

– Воду? Чай? Кофе?

– Ничего.

Я слышала, как он прошел к кухонной зоне, открыл шкафчик, достал что-то. Через минуту подошел с двумя бокалами. Протянул один.

– Выпей. Ты вся дрожишь.

Я взяла. Сделала глоток. Вино было прохладным, терпким, горьковатым. Но не согрело и не успокоило, скорее наоборот. Только добавило нервозности.

Он встал напротив, прислонившись к подоконнику. Смотрел на меня. Я смотрела в пол.

– Ира, – сказал он тихо, подойдя ко мне. От его близости я вздрогнула. – Ты можешь уйти. Прямо сейчас. Я не буду держать.

– Я пришла, чтобы остаться.

– Ты пришла, чтобы расплатиться, – он поправил меня, и голос его был спокоен, почти безразличен. – Это разные вещи. Для меня. Я не хочу тебя принуждать.

Я подняла голову, ища в его глазах привычную насмешку, ту самую, за которую можно было зацепиться ненавистью, но ее не было. Было что-то другое – усталость, может быть, или сожаление, или то, чему я не знала названия. И это пугало больше, чем любые требования.

– Ты меня не принуждаешь. Мы заключили сделку. Я пришла сама. Поэтому... Давай просто сделаем это, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – И я уйду.

Он поставил бокал, подошел ближе, и я замерла, чувствуя его запах. От него пахло лосьоном для бритья, гелем для душа, дорогим парфюмом. Его пальцы коснулись воротника моей рубашки, взяли за верхнюю пуговицу, и я закрыла глаза, чтобы не видеть. Первым порывом было отступить назад, но я заставила себя замереть на месте. Пусть все это быстрее закончится.

Он расстегнул вторую пуговицу, третью, и я чувствовала, как воздух касается кожи, как его дыхание становится ближе, как сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. Когда его губы коснулись моих, я не отстранилась, но и не ответила – просто стояла, застывшая, чужая, пустая, мысленно где-то далеко от этого места, от этого человека, от собственного тела.

Он отстранился первым.

Я открыла глаза и увидела, как он смотрит на меня – не с торжеством, не со страстью. В его глазах читалось разочарование. Или боль. Или отвращение.

– Уходи, – сказал он глухо и отвернулся к окну, встал спиной, плечи напряжены, руки в карманах.

– Но я...

– Иди домой, Ира. Я не насильник. Заставлять тебя не собираюсь.

– Постой, – бросилась я к нему. – Я ведь сама пришла. Я согласна.

– Ты не согласна! – Руслан обернулся, и я увидела его лицо – усталое, почти сломленное.

– Ты делаешь это через силу. Я вижу. Чувствую. И мне это не нужно.

Я стояла посреди гостиной с расстегнутой рубашкой, дрожащая, потерянная, не понимающая, почему он, который так хотел меня, который преследовал, пытался купить, теперь отказывается от того, что само идет в руки.

– Ты не хочешь меня? – спросила я.

Он молчал долго, глядя куда-то мимо меня, в темноту за окном, где горела Москва.

– Не так... – ответил он наконец. – Я, честно говоря, когда ты предложила мне себя... В общем, я подумал, что ты сама хочешь. Я ведь предложил тебе выбор. Но теперь вижу, что ошибся. От тебя так и сквозит ненавистью и презрением по отношению ко мне.

– Нет, – попыталась я переубедить его. – Я не ненавижу тебя! И не презираю. Правда. Ты ведь помог моему отцу! Я благодарна...

– Благодарна... – он пригладил рукой влажные волосы, выдохнул. – Вот и давай будем считать, что мы квиты.

Он подошел, начал застегивать пуговицы на моей рубашке – медленно, аккуратно, одну за другой, и в его пальцах, касающихся моей шеи, не было ничего пошлого, только что-то почти нежное, прощальное.

– Руслан... – я предприняла последнюю попытку исправить ситуацию, но он покачал головой, не давая мне договорить.

– Прощай, Ира...

Я хотела спросить еще что-то, но слова застряли в горле. Просто стояла и смотрела на человека, которого так долго и так старательно ненавидела, а он смотрел на меня и, кажется, ждал, когда я уйду, чтобы остаться одному.

Я пошла к лифту и уже на пороге обернулась. Он стоял в проеме, прислонившись плечом к стене, непривычно простой, и я вдруг поняла, что не знаю, кто он на самом деле. Не миллиардер. Не король видеоигр. Просто человек, который сказал мне правду, когда я не была к ней готова, и отпустил, когда я была готова на все, чтобы остаться.

– Спасибо, – прошептала я.

Он не ответил. Только кивнул, и лифт увез меня вниз.

Я вышла из стеклянной башни и побрела по набережной, сама не зная куда. Ноги несли меня вдоль реки, мимо освещенных мостов, мимо дорогих ресторанов, из которых доносилась музыка, мимо влюбленных пар и спешащих домой прохожих, мимо жизни, которая шла своим чередом, не замечая меня.

Ветер трепал волосы, путался в рубашке, приносил запах воды и весенней сырости. Я шла медленно, смотрела на огни, отражающиеся в темной воде, на бесконечные ниточки фар, на людей, которые обнимались на скамейках и смеялись, и чувствовала себя призраком, случайно забредшим в чужой праздник.

В голове было пусто и звонко одновременно – как в комнате, из которой вынесли всю мебель, оставив только эхо. Я не думала о Руслане, который отпустил меня, не думала о Вадике, который ждал, не думала о предстоящей операции и о том, что папа будет жить. Я просто шла, вдыхала весенний воздух, смотрела на ночную Москву и пыталась вспомнить, кто я теперь, после всего, что случилось сегодня.

АРТЫ К ДВЕНАДЦАТОЙ ГЛАВЕ

Ира пришла домой к Руслану
Руслан и Ира

ГЛАВА 13

Я вернулась домой, когда небо над Москвой начало светлеть, размывая ночную черноту в серый, усталый полумрак. Город постепенно просыпался – первые троллейбусы, редкие прохожие, дворники с метлами, оставляющие на асфальте мокрые разводы. Я брела по улице, сама не зная куда, пока ноги не привели меня к знакомому двору, к облупившейся скамейке у подъезда, где по вечерам собирались посплетничать местные бабушки. Я села, обхватила колени, глядя, как постепенно загораются окна, как кто-то просыпается, как кто-то встает к плите, чтобы приготовить завтрак для всей семьи, кто-то делает зарядку. Дверь подъезда скрипнула – сосед снизу вывел на прогулку собаку, жизнерадостного золотистого ретривера. Пес, завидев меня, высунул язык и помахал хвостом, заставив меня улыбнуться.

Я сидела и думала о том, что сегодня утром отец ляжет на операцию. Мама уже, наверное, суетится дома, собирает ему вещи, дает тонну указаний. А отец в ответ только кивает, хотя даже не слушает, что она говорит. Так всегда у них было.

Я достала деньги на операцию. У папы появился шанс – тот самый, который я купила ценой, которую в итоге не пришлось платить. Или пришлось? Я до сих пор не знала, как называть то, что произошло. Сделкой, которая не состоялась? Проверкой, которую я провалила? Или, наоборот, выдержала? В душе были очень странные, смешанные ощущения, которые я даже не могла описать.

Я просидела на скамейке, пока двор не наполнился утренним светом, пока первые лучи солнца не коснулись верхушек деревьев, и только тогда, когда пальцы совсем онемели от холода, поднялась и вошла в подъезд. Лифт починили, но я пошла пешком – медленно, перешагивая через ступеньку, отсчитывая этажи, как будто каждая минута, которую я тянула, отсрочивала встречу с тем, что ждало меня за дверью.

Ключ повернулся в замке с привычным щелчком. В прихожей пахло Лериными духами и остывшим чаем. Я сняла обувь, повесила пальто, и только тогда заметила, что в квартире не темно – из кухни пробивался тусклый свет. Значит подруга уже встала. А может и вовсе не ложилась...

– Лер? – позвала я, проходя в коридор.

Она сидела за столом, обхватив кружку с давно остывшим чаем, и смотрела в одну точку. Лицо у нее было бледное, глаза красные, будто она не спала всю ночь или плакала. Увидев меня, она вскочила, и в этом порыве было столько вины и облегчения одновременно, что у меня сжалось сердце.

– Ирка, – выдохнула она. – Слава богу! Я звонила, звонила...

– Телефон был выключен, – вспомнила я, проходя к столу. – Что случилось?

Лера молчала, теребила пальцами край скатерти, и я видела, как она мучительно подбирает слова. Я знала этот взгляд. Так она смотрела, когда что-то натворила.

– Вадик приходил, – выдохнула она наконец, и голос у нее дрогнул.

Я замерла.

– Вечером. Часа через два после того, как ты ушла. Я хотела тебе позвонить, предупредить, но у тебя был отключен телефон. Я не знала, что делать. Он стучал, звонил, я не открывала, думала, уйдет. А он не уходил. Сказал, что будет сидеть под дверью, пока не поговорит с тобой. Я испугалась, что соседи вызовут полицию, и открыла.

Я слушала, и внутри все холодело.

– Ты все ему рассказала? Про Титова, про деньги?

Лера замотала головой.

– Он сам все узнал. Ему мама твоя позвонила. Тебя потеряла, вот и набрала ему, – тараторила подруга. – Сказала про то, что ты деньги на операцию раздобыла. Вот он и сложил два плюс два. Не смотри, что тупой...

Я закатила глаза. О таком варианте развития событий я даже не подумала.

– Черт... – выругалась я.

– Он спросил, где ты. Я сказала, что не знаю. Он не поверил. Сам спросил про Титова.

Лера замолчала, опустила голову. Я ждала, не дыша.

– Я не хотела ему говорить, Ир, честно. Но он... он понял, что я вру. Сказал, что ты ему не отвечаешь, что телефон выключен, что это не похоже на тебя. И спросил прямо: Титов дал тебе денег? Я сказала да. Ты же знаешь, что я не умею врать...

– Черт... – других слов на эту ситуацию у меня пока не было.

– Прости, прости, прости меня! – Лера подняла на меня глаза, полные слез. – Я не смогла соврать, Ир. Он так смотрел... Я пыталась объяснить ему, что у тебя не было другого выхода. Он выбежал из квартиры, хлопнул дверью. Я пыталась его остановить, но он не слушал.

Я закрыла лицо руками. В голове было пусто и звонко одновременно, как в комнате, из которой вынесли всю мебель. Вадик знает. Вадик думает, что я... что у нас с Титовым...

– Ну а ты как вообще? – Лера осторожно коснулась моей руки. – Как все прошло?

– Ничего не было, – сказала я, опуская руки. – Понимаешь? Ничего. Он меня выгнал.

Лера смотрела на меня, не веря.

– Как это выгнал?

– Вот так... Сказал, что не будет меня принуждать. Что я могу идти.

– А деньги? Их что, придется вернуть? – глаза у нее округлились, но я покачала головой.

– Нет, ничего не надо возвращать. Титов поиграл в благородство и спас от смерти моего отца. Только я почему-то вместо благодарности чувствую себя абсолютно паршиво.

Лера молчала, переваривая услышанное. Потом медленно выдохнула.

– Так надо срочно найти Вадика, объяснить, что ничего не было!

– Он не поверит, – закусила я нижнюю губу. – Но я попробую...

Я достала телефон, включила. Экран засветился, посыпались пропущенные – десятки. От Вадика, от Леры, от мамы. Я нажала на имя Вадика, набрала номер.

Один гудок. Два. Три. Вадик не брал трубку.

Я набрала снова. Тот же результат.

– Не берет, – сказала я, чувствуя, как в груди разливается тяжесть.

Я встала, прошла к окну. За стеклом уже было утро – яркое, прозрачное, какое бывает только ранней весной, когда воздух еще холодный, а солнце уже греет. Город просыпался, жил своей обычной жизнью, а я стояла и смотрела на него, не зная, что делать дальше.

– Ложись спать, – предложила Лера. – Утро вечера мудренее.

Я покачала головой. Спать я не могла. Не сейчас. В голове крутилось только одно: он ушел, он знает, он думает, что я продала себя, он ненавидит меня, он...

Я снова взяла телефон. Набрала номер. Короткие гудки, будто телефон выключили.

Лера молчала. Она понимала, что сейчас не до утешений. Что слова не помогут. Что я должна просто пережить эту ночь, этот ужас, эту пустоту, которая разливается внутри, как черная вода.

Я не легла. Сидела на кухне, пила чай, смотрела на телефон, который молчал, и ждала. Ждала, когда он перезвонит. Когда потребует объяснений. Когда скажет, что все понял, что не злит, что мы все переживем вместе.

Он не звонил.

Через час я все же легла и тут же отрубилась. Спала крепко – без сновидений, без мыслей, просто черная яма, из которой не хотелось выбираться. Меня разбудил телефонный звонок. Пронзительный, тревожный.

Я схватила трубку, сердце забилося где-то в горле. Но это был не Вадик. Незнакомый номер.

– Аллю, – сказала я хриплым со сна голосом.

– Ирина? – голос был женский, взволнованный, почти истеричный. Я не сразу узнала его.

– Ирина, это мама Вадима. Светлана Петровна.

У меня похолодело внутри.

– Светлана Петровна, что случилось?

– Вадика арестовали, – выпалила она, и в голосе ее послышались слезы. – Ночью. Задержали. Я не знаю подробностей, мне позвонили из полиции, сказали, что он разбил чью-то машину. Дорогую. Битой. На него завели уголовное дело. Сказали, что машина принадлежит какому-то миллиардеру. Титов, кажется, фамилия. Вадика грозит срок. Ирина, что делать? Я не знаю, что делать...

Я слушала, и слова падали, как тяжелые камни, один за другим, разбивая то хрупкое равновесие, которое я пыталась удержать внутри. Вадик разбил машину. Машину Титова. Его арестовали. Ему грозит срок.

– Ирина? – голос Светланы Петровны вырвал меня из оцепенения. – Ты здесь?

– Я здесь, – сказала я. – Я все поняла. Я что-нибудь придумаю.

– Спасибо, спасибо... – всхлипнула мама Вадика. – Я себе места не нахожу...

– Я что-нибудь придумаю, – пообещала я. – Мы его вызволим.

Я сбросила вызов, и телефон выпал из рук. Лера стояла в дверях, бледная, с полотенцем в руках.

– Что случилось? – спросила она.

Я подняла на нее глаза. В голове была только одна мысль, одна фамилия, один человек, который мог все исправить. Или все уничтожить.

Тот, кто выставил меня ночью из своей квартиры, попрощавшись навсегда.

Тот, кого я пыталась так старательно ненавидеть.

Тот, к кому я должна была вернуться.

Снова.

ГЛАВА 14

Я не помнила, как вылетела из квартиры. Как спустилась по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, как выскочила во двор, где меня уже ждало такси. В голове стучало: только бы успеть, только бы успеть. Я рассчитывала застать Руслана дома, уговорить его снять с Вадика обвинения. И заключить новую сделку.

– На Патриаршие, – бросила я водителю, захлопывая дверцу. – Быстрее, пожалуйста.

Машина рванула с места, и я вжалась в сиденье, глядя, как за окном пролетают знакомые улицы, как постепенно оживает город. Водитель что-то говорил – про бес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.